
Не смей оплакивать меня

Елизавета Соловей

Не смей оплакивать меня

«Автор»
2026

Соловей Е.

Не смей оплакивать меня / Е. Соловей — «Автор», 2026

Живые завидуют мертвым только в одном: у тех есть роскошь не возвращаться».Еще утром ее мир состоял из тепла семейного очага, любимого отца и абсолютной уверенности в человеке, которому она отдала свое сердце. Но одна ночь превратила древнее родовое гнездо в пепелище, а жизнь — в ложь.Предательство оказалось ближе, чем казалось. Семья уничтожена, имя стерто, а холодные воды моря стали могилой для той, кто еще утром ждал ребенка.Смерть должна была стать финалом. Но море возвращает долги.

© Соловей Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 13
Глава 2 21
Глава 3 37
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Елизавета Соловей
Не смей оплакивать меня

Пролог

Живые завидуют мертвым только в одном: у тех есть роскошь не возвращаться.

Алексис Малвери еще не знала, что этой ночью ей придется умереть.

Не знала, что дом, в котором она впервые сделала шаг, произнесла первое слово и научилась любить, превратится в пепелище. Что человек, которому она доверила собственную жизнь, распорядится ею с той же легкостью, с какой подписывал государственные бумаги. Что к рассвету от ее прежнего мира не останется ничего, кроме обугленных камней, мертвых тел и воспоминаний, от которых невозможно будет избавиться.

Еще утром она была счастлива. Не тем ослепительным, шумным счастьем, которое принято воспевать в балладах, а тихим, домашним, почти незаметным. Тем, что складывается из запаха свежего хлеба, потрескивания поленьев в камине, знакомых шагов за дверью и уверенности, что завтра непременно наступит.

За завтраком отец спорил с ней о будущем внуке. Лорд Эдвард Малвери, чье имя заставляло склонять головы даже самых высокомерных придворных, сидел во главе длинного дубового стола и с совершенно серьезным видом рассуждал о том, какого жеребенка следует выбрать для еще не родившегося ребенка.

— Отец, умоляю, — смеялась Алексис, откладывая серебряную ложечку.

— Ему потребуется несколько лет, прежде чем он вообще сможет уверенно держаться в седле, не говоря уже о выездке.

— Вздор, — отрезал Эдвард, не терпящим возражения тоном. — Хорошая лошадь должна ждать своего хозяина заранее, а не наоборот. Настоящая привязанность куется годами.

— Но он еще даже не родился, — качнула головой она, пытаясь скрыть улыбку. — Тем более. У меня достаточно времени, чтобы отыскать в северных табунах нечто безупречное. Такой крови, которую не стыдно будет подвести к любому трону.

Эдвард откинулся на спинку кресла, довольно поглаживая седую бороду, но в уголках его глаз залегли мелкие лучики напряжения.

— Надеюсь, характером он пойдет в тебя, — проговорил он мягче. — А вот упрямство пусть унаследует от меня.

— Ты сам всегда повторял, что мое упрямство однажды сведет тебя в могилу, — напомнила Алексис.

— Говорил, — невозмутимо согласился отец, но взгляд его на миг потемнел. — Но старым людям позволено противоречить самим себе, если это дает им надежду на будущее.

Она легко рассмеялась, не замечая за этой шуткой тяжелой тени.

Эдвард протянул руку через тяжелый дуб стола и крепко накрыл ее ладонь своей. Тепло его пальцев было привычным, почти успокаивающим.

— Скажи мне правду, девочка моя, — тихо произнес он. — Ты действительно счастлива?

Вопрос прозвучал неожиданно резко для столь мирного утра.

Алексис подняла глаза. Отец смотрел на нее не просто внимательно — почти тревожно, выискивая что-то в глубине ее зрачков. За последние месяцы он задавал этот вопрос уже не в первый раз, и с каждым разом в его голосе звучало все больше скрытого беспокойства.

— Конечно, папа. Разве ты сомневаешься?

— Ричард… — Эдвард замялся, подбирая слова, словно опасаясь обжечься. — Он хорошо к тебе относится? Не злоупотребляет твоим… доверием?

— Отец, к чему этот допрос? — Алексис слегка нахмурилась, чувствуя легкое раздражение. — Мы женаты пять лет.

— Ответь мне на вопрос, Алексис. Без уверток.

Она вздохнула, мягко высвободила руку и улыбнулась как можно увереннее, чтобы рассеять его паранойю.

— Он мой муж. Я люблю его. Под моим сердцем бьется наш ребенок. О каком еще счастье может мечтать женщина моего положения?

Эдвард долго, тяжело смотрел на дочь. Слишком долго. В его взгляде читалось горькое знание, к которому у нее не было ключа. Казалось, он пытался отыскать в ее глазах то, что она сама упорно отказывалась замечать.

Наконец он медленно кивнул.

— Дай бог, чтобы я ошибался. Тогда я… я буду спокоен.

Но спокойствия в его голосе не было ни капли. Когда Алексис поднималась из-за стола, он неожиданно поднялся вслед за ней и притянул к себе. Крепко, отчаянно, до хруста в костях — так он не обнимал ее с самого детства, когда она оплакивала смерть матери.

— Помни, — шепнул он ей прямо в висок, и голос его странно дрогнул, — что бы ни случилось в этом мире, какую бы цену ни заставили нас платить… ты всегда останешься Малвери. Кровь не смыть ничем.

— Даже если у меня родится целая дюжина маленьких Ричардов, которые будут думать только о политике? — попыталась пошутить она, чувствуя подступающее отцовское волнение.

Эдвард горько улыбнулся, не размыкая объятий.

— Особенно тогда.

Она не знала, что это были последние добрые слова, которые она услышит от него в этой жизни. Не знала, что к полуночи будет готова отдать все золото королевства и собственные годы за возможность еще раз услышать его ворчание.

Поместье Малвери горело.

Огонь пожирал древние галереи с ненасытностью голодного зверя. Пламя вырывалось из высоких окон, лизало каменные стены, ползло по деревянным перекрытиям и взметалось над башнями, окрашивая низкие зимние облака в зловещий багровый цвет.

Западное крыло, построенное еще при первых королях, рушилось медленно и страшно. Сначала с сухим треском провалилась крыша фамильной библиотеки, хороня под собой тома, на сбор которых ушли века. Затем обрушилась галерея, соединявшая старую часовню с жилыми покоями. Каменные плиты внутреннего двора содрогнулись от удара, и в ночное небо взметнулся сноп искр.

В морозном воздухе стоял удушливый коктейль из запаха паленого дерева, мокрой шерсти, расплавленного воска и чего-то сладковато-тошнотворного, от чего желудок сводило судорогами. Запах горелой человеческой плоти.

Еще вчера здесь пахло лавандой, топленым молоком и полированным дубом. В коридорах гулко звучали голоса слуг, а в библиотеке отец оставлял раскрытые фолианты, несмотря на бесконечные ворчания старой экономки.

Теперь по этим же коридорам шагали чужие люди в тяжелых доспехах.

Они выбивали двери прикладами, вытаскивали тяжелые дубовые сундуки, срывали со стен золоченые рамы с портретами предков. Кто-то пьяно хохотал. Кто-то орал на подчиненных, требуя найти тайники в полу. Где-то за рухнувшей стеной надрывно, отчаянно кричала женщина — голос оборвался так резко, словно ей перерезали горло прямо посреди крика.

Алексис лежала на ледяных плитах внутреннего двора. Она не помнила, как оказалась здесь. Рассудок выхватывал лишь рваные, кровоточащие кадры: звон стекла в детской, чьи стены они с няней белили всего неделю назад. Чьи-то грубые, пахнущие железом пальцы, вце-

пившиеся в ее волосыжестокий удар о дубовые перила, едкий дым и собственный нечеловеческий крик, когда она увидела отца, распростертого на ступенях.

Правая сторона груди отзывалась раскаленной болью при каждом вдохе. Липкая, теплая кровь из рассеченного виска заливала глаза, склеивая ресницы красной пеленой. Левая рука безжизненно висела плетью. Но боль в теле не имела значения. Потому что в нескольких шагах от нее лежал Эдвард Малвери.

Его массивное тело неестественно изогнулось у подножия парадного крыльца. Седые волосы спутались и побурели от собственной крови, одна рука была отчаянно вытянута вперед — так, будто в последнюю секунду умирающий пытался дотянуться до кого-то близкого. До нее. Алексис знала это с той беспощадной ясностью, которая приходит перед лицом неминуемой смерти.

— Папа… — сорвалось с ее искусанных губ едва слышным хрипом.

Она попыталась пошевелиться, втащить себя на локти. Камни впивались в ладони до мяса, порванный подол парадного платья зацепился за обломки железа. Каждый сантиметр давался ценой такого усилия, что перед глазами вспыхивали белые круги, грозя окончательно погасить свет.

— Папа, умоляю… Я здесь. Я рядом.

Он не шелохнулся. Даже грудь больше не поднималась. Она протянула дрожащую правую руку. До его холодных пальцев оставалось не больше дюйма.

В этот момент в памяти с пронзительной силой всплыло утро. Как он смеялся. Как сидел за длинным столом. Как рассуждал о жеребенке для внука.

И страшная, невыносимая мысль ударила ее сильнее любого клинка. Он так и не узнал.

Сегодня за завтраком, за мгновение до того, как они встали из-за стола, ребенок внутри нее впервые шевельнулся — четко, сильно, словно приветствуя деда. Алексис хотела сказать ему об этом вечером, когда дом погрузится в тишину. Хотела увидеть, как просияет его суровое лицо. Теперь этот ребенок станет сиротой в мире, где не осталось ничего живого. Она прижалась лбом к камню, зажав рот окровавленной ладонью, чтобы заглушить истошный, звериный вопль, рвущийся из груди.

— Прости меня… Прости меня, папа…

Если бы она послушала его намеки. Если бы не пыталась сгладить углы между мужем и отцом. Если бы не была такой слепой дурой, верившей в идеальность своего брака.

За спиной раздался звук оглушающих шагов. Не торопливая беготня мародеров, а размеренная, тяжелая поступь человека, которому незачем спешить, потому что ночь принадлежит ему. Алексис узнала эти шаги раньше, чем услышала голос. Сколько сотен раз она различала их среди гула придворных в галереях столичного дворца? Сколько вечеров стояла у окна, прислушиваясь к тому, как они отбиваются от полированного мрамора их общих покоев?

Ричард. Ее муж. Мужчина, которому она отдала пять лет своей юности, свою гордость и свою преданность. Он остановился в шаге от нее. На нем был дорожный камзол из темного сукна с безупречной серебряной вышивкой на воротнике. Ни единой пылинки, ни единой складки — выглядел так, будто только что сошел с парадного портрета, а не вышел из эпицентра бойни. Лишь на манжете правой руки темнело несколько бурых брызг. Ричард медленно, с отточенной грацией стянул кожаную перчатку и бросил ее на камни. Рядом с ним из темноты выступила Элеонора. Ее ближайшая подруга. Женщина, которую Алексис называла сестрой и пускала в самые сокровенные уголки своей жизни.

Темно-зеленое бархатное платье Элеоноры было знакомо до последней нити — вчера в нем она сидела за семейным ужином, мило улыбалась Эдварду и умилялась крошечным кружевным чепчикам, которые Алексис вышивала по вечерам. На ее белой шее вызывающе ярко поблескивал массивный изумрудный кулон. Личный подарок Алексис на прошлый ее день рождения.

— Я просил обойтись без лишнего шума, Элен, — произнес муж ровным, холодным голосом, даже не удосужившись посмотреть на лежащую у его ног жену. — Зачем нужно было устраивать этот цирк во дворе?

Элеонора раздраженно вздохнула, поправляя на плече меховую накидку.

— О, неблагодарная работа спасать твою репутацию, дорогой. Эта девчонка разбила подсвечником окно в детской и попыталась сигануть в сад. Представляешь? В ее-то положении! Мне пришлось отдать приказ охране остановить ее, но она закатила такую истерику, будто мы режем ее любимую собачонку.

— Я говорил: мне нужен тихий переворот, а не пожар на полпровинции, — бросил Ричард.

— А я говорила, что Малвери сами виноваты в своем упрямстве. - Элеонора вальяжно покрутила на пальце перстень.

Алексис лежала в луже собственной крови, переводя взгляд с одного лица на другое, и ее разум отказывался складывать эти образы воедино. Еще вчера вечером Ричард целовал ее перед тем, как уйти «на срочный совет к королю». Он нежно гладил ее по щеке, извинялся, что задержится, и просил не ждать его за полночь. Она сама поправила ему воротник. Он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у нее замирало сердце.

А потом пошел отдавать приказ вырезать ее семью.

— Ричард… — хрипло выдохнула она, цепляясь окровавленными пальцами за его сапог.

Муж нехотя опустил на нее взгляд. В его серых глазах не было ни гнева, ни торжества. Только холодная, брезгливая усталость человека, споткнувшегося о мусор на дороге.

— Зачем? — прошептала она, чувствуя, как соленая влага разъедает рану на виске. — Скажи мне… за что? Я ведь никогда ни в чем тебе не перечила.

— Именно поэтому всё оказалось до смешного просто, моя дорогая, — за нее ответила Элеонора, подходя ближе и с откровенным презрением глядя на поверженную подругу.

Алексис задохнулась от несправедливости.

— Элеонора… После всего? Когда твой отец оставил тебя без гроша, чей дом приютил тебя? Кто делил с тобой каждую драгоценность, кто утирал твои слезы ночами? Я называла тебя сестрой!

— Вот! — Элеонора вдруг резко повысила голос, и в ее глазах вспыхнула жгучая, вынашиваемая годами ненависть. — Вот это твое благородное «я поделилась», «я приютила», «я назвала сестрой»! Ты думаешь, мне нравилось быть твоей тенью? Твоим бесплатным приложением?

— Я никогда… я никогда не попрекала тебя этим!

— Конечно нет! Ты была так величественно-снисходительна, Алексис! — Элеонора неожиданно опустилась перед ней на корточках, впиваясь ногтями в собственный подол. — Каждое платье, брошенное с твоего плеча, каждый кусок хлеба с твоего стола — все это кричало о том, кто здесь госпожа, а кто нищенка, живущая из милости. Я улыбалась тебе в лицо и ждала, когда этот проклятый род Малвери наконец захлебнется в собственной спеси.

Алексис покачала головой, чувствуя, как мир вокруг нее окончательно теряет опору.

— Я любила тебя…

— А я презирала каждую минуту твоей фальшивой жалости, — отрезала Элеонора, выпрямляясь и гордо задирая подбородок. — Знаешь, каково это — годами стоять за твоего мужа на балах и слушать, как все эти лорды восхищаются «безупречной наследницей Малвери», даже не замечая, кто стоит рядом?

Она демонстративно повернулась к Ричарду и взяла его под руку. Тишина стала звенящей. Алексис медленно перевела взгляд на мужа. Пазл, который она отказывалась собирать годами, внезапно сложился сам собой. Запахи чужих французских духов на его воротнике,

которые она списывала на случайность при дворе. Необъяснимые ночные отлучки. То, как Элеонора оказывалась рядом всякий раз, когда Ричард уезжал в столицу.

Однажды Алексис нашла в его кабинете женскую кружевную перчатку. Ричард тогда легко посмеялся, сказав, что ее обронила жена канцлера на приеме. Она поверила. Она верила ему слепо, как собака.

— И давно? — голос Алексис звучал почти беззвучно, превращаясь в шелест сухих листьев.

— С самого начала, — не колеблясь ни секунды, ответила Элеонора. — Еще до вашей фальшивой свадьбы, дорогая. Ты была так умопомрачительно наивна в своей влюбленности. Помнишь, как плакала от счастья, рассказывая мне о его первом поцелуе? Я еле сдерживала смех, слушая твои сопливые откровения.

Алексис подняла глаза на мужчину, с которым делила ложе последние пять лет.

— Ричард. Скажи, что она лжет. Посмотри на меня и скажи, что это злая шутка. Пожалуйста…

Муж тяжело вздохнул, засунув руку за борту камзола, и отвел глаза в сторону.

— Алексис, не усложняй и без того неприятный финал.

— Не усложняй? — внутри нее что-то оборвалось, сменяясь леденящим оцепенением.

— Пять лет брака, Ричард! Пять лет моей жизни, моих ночей, моих молитв о тебе! Ты хоть раз… хоть раз любил меня по-настоящему?

Элеонора открыла было рот, чтобы выплюнуть очередную гадость, но Ричард резким жестом остановил ее, шагнув вперед. Он посмотрел на жену долго, тяжело, без тени прежней нежности.

— Это уже не имеет никакого значения, Алексис. Прошлое не оплатит счета в казначействе.

— К рассвету все должно быть закончено, — напомнила Элеонора, нервно теребя изумруд на шее. — Канцлер ждет подписанных бумаг на северные рудники.

— Документы будут у него, — кивнул Ричард, доставая из кармана серебряные часы на цепочке. — После официального подтверждения гибели лорда Эдварда и его дочери права на управление графством переходят ко мне через брачный контракт.

— А кузены Малвери из столицы? Они могут поднять шум.

— Пока они доберутся сюда через занесенные снегом перевалы, шахты и литейные заводы уже будут работать на меня. Корона не станет спорить с тем, кто контролирует металл.

Он говорил об уничтожении ее семьи с такой деловитой рассудительностью, с какой столичные купцы обсуждают оптовые закупки зерна.

Алексис стиснула зубы так сильно, что во рту отчетливо запахло кровью.

— Так вот из-за чего всё… — прошептала она. — Северные шахты. Отец годами отказывался передавать тебе права на разработку нижних пластов. Он говорил, что в тех жилах таится нечто большее, чем просто руда. А я… я упрекала его в черствости к моему мужу!

Ричард убрал часы обратно в карман.

— Твой отец был слепым фанатиком, цепляющимся за древние суеверия. Ему следовало подписать бумаги добровольно пять лет назад. Многих проблем удалось бы избежать.

— Он называл тебя сыном! Он защищал твое имя перед королем, когда твои кредиторы готовы были разорвать тебя на части!

— Я сказал: хватит! — впервые за весь разговор голос Ричарда сорвался на опасный, глухой рык. Он на секунду замер, глядя на безжителенное тело Эдварда Малвери, лежащее неподалеку в грязи, а затем резко отвернулся.

— Старик сделал свой выбор в тот момент, когда решил, что бумажки важнее выживания собственного рода.

Алексис медленно, словно во сне, невероятно тяжело опустила правую ладонь на живот. Под разорванной тонкой тканью платья ее тело еще хранило тайну, о которой знала только она. Пятый месяц. Маленькая жизнь, бившаяся под сердцем так отчаянно и чисто. Она вспомнила день, когда Ричард узнал о ее беременности. Это было в их столичном особняке, ранней весной. Он вернулся изнуренный заседанием королевского совета — злой, промокший под ледяным дождем. Алексис молча перехватила его тяжелый плащ у камина и протянула крошечную серебряную погремушку, которую заказала у лучших мастеров города. Ричард долго смотрел на серебряную игрушку, потом на ее округлившийся стан.

— Ты уверена? — выдохнул он тогда.

Она кивнула, смеясь сквозь слезы. И тогда он сорвался. Впервые за годы брака она видела его по-настоящему счастливым — он подхватил ее на руки, закружил по комнате, а потом упал на колени перед ее креслом, прижимаясь горячим лбом прямо к ее животу.

У меня будет сын — шептал он тогда, и голос его дрожал.

А если дочь? — улыбалась она.

Мне все равно. Главное, чтобы малыш был похож на тебя.

Супруг поднимал на нее глаза, полные неподдельных, чистых слез. Говорил, что впервые в жизни у него появилось то, ради чего действительно стоит возвращаться домой из этого змеиного клубка при дворе. Алексис перевела безумный взгляд на мужа.

— Ричард… — позвала она тихо, цепляясь за последнюю соломинку человечности в этом кошмаре.

Он раздраженно поморщился.

— Что еще?

— Ребенок. Наш малыш…

Элеонора резко отшатнулась, а на ее лице отразился панический искра страха.

Алексис приподнялась на локте, чувствуя, как по ногам течет липкая холодная кровь, но ей было уже все равно.

— Можешь забрать земли. Можешь сжечь этот замок дотла, забрать золото моего отца, растоптать мое имя. Но ребенок… — ее голос сорвался на надрывный крик. — Это твой сын, Ричард! Ты ведь клялся мне! Ты плакал в тот вечер!

Ричард окаменел. На долю секунды его маска безупречного холоднокровия дала трещину — в серых глазах мелькнуло что-то похожее на ужас и тошноту.

Ты помнишь, что ты говорил? — умоляла она, вкладывая в каждое слово всю боль умирающей души. — Ты говорил, что наконец-то обрел дом.

Ричард, не слушай ее! — взвизгнула Элеонора, бросаясь к нему и хватая за рукав. — Ты с ума сошел? Если этот ребенок выживет, через двадцать лет он вернется забрать то, что по праву его крови! У него будут все права на шахты, на титул, на месть!

Убери руки, Элеонора, — глухо бросил муж, не сводя глаз с лица жены.

Посмотри на меня! — не унималась та, брызгая слюной от истерики. — Или ты хочешь оставить ей наследника, чтобы потом каяться перед ней в постели? Снова строить из себя любящего мужа?!

Ричард резко дернулся, отталкивая любовницу так сильно, что та едва не упала на обломки. Но Элеонора уже перешла грань безумия. Ослепленная ревностью и страхом потерять добычу, она с визгом бросилась вперед и со всего размаху ударила лежащую Алексис тяжелым сапогом в бок. Новая вспышка боли обожгла внутренности так ярко, что перед глазами погас мир.

— Не смей ее трогать! — рявкнул Ричард, перехватывая Элеонору за плечо и отбрасывая назад с такой силой, что та ударилась спиной о каменную колонну.

На мгновение во дворе повисла оглушительная тишина.

Алексис с трудом разлепила глаза. Ричард стоял над ней, тяжело дыша. Его пальцы нервно подрагивали. В этом взгляде не было расчета — в нем читалась та самая животная тревога, с которой он когда-то дежурил у ее постели, когда она умирала от горной лихорадки. Она протянула к нему окровавленную ладонь.

— Ричард… спаси его. Ради всего святого. Мне все равно, что будет со мной.

Он сделал полшага ей навстречу. Протянул руку. Но в этот момент его взгляд скользнул по полыхающим руинам родового гнезда Малвери, зацепился за холодный труп тестя и остановился на оскаленном лице Элеоноры. Путь назад был отрезан кровью.

Его рука замерла в воздухе, а затем медленно, тяжело опустилась вдоль бедра.

— Всё должно закончиться сегодня, — произнес он чужим, мертвым голосом.

Алексис перестала дышать.

— Нет… Ты же не можешь… Это твоя плоть и кровь!

— Я не могу оставить живых свидетелей, Алексис, — закрыв глаза на секунду, выдохнул он. — Прости.

Эти слова прозвучали страшнее любого смертного приговора. Он всё помнил. Он всё понимал. И всё равно выбрал власть.

— Уведите ее, — не глядя на жену, бросил Ричард наемникам.

Из темноты вынырнули две массивные фигуры. Один — широкоплечий детина с разбитым носом и рыжей щетиной. Второй — помоложе, со страшным белесым шрамом, пересекающим всю левую щеку от уха до подбородка.

Первый грубо ухватил Алексис за волосы и дернул вверх. Она вскрикнула от боли, чувствуя, как кожа на голове трещит по швам.

— Живучая сука, — сплюнул он на землю.

— Аккуратнее, тупица, — процедил второй, со шрамом.

— Нам приказали сбросить ее со скалы в прибой так, чтобы кости раздробились о камни. Не оставляй следов, которые потом придется объяснять столичной канцелярии.

— Да кто здесь станет что-то искать? Тут всё выгорит дотла, пепел по ветру развеют.

— Приказ есть приказ. Тащи ее к обрыву.

Алексис уже почти ничего не слышала через пелену подступающей темноты. Последним усилием воли она перевела мутный взгляд на Ричарда. Он медленно направлялся к воротам, не оборачиваясь. Элеонора шла рядом, что-то раздраженно доказывая ему жестами.

— Ричард! — из последних сил выдохнула Алексис, и ее голос сорвался на хриплый крик. — Ричард, черт тебя побери, посмотри на меня!

Муж замер на шаг. Плечи под дорогим сукном напряглись струной. Она ждала. Секунду. Другую. Моля обо одном — чтобы в нем проснулось хоть что-то человеческое. Но Ричард не обернулся. Он сделал шаг, за ним второй — и растворился в багровом мареве пожара. И в этот момент внутри Алексис умерло что-то гораздо более глубокое, чем надежда. Не тогда, когда убили отца. Не тогда, когда предал муж. А именно сейчас, когда он услышал ее мольбу и предпочел сделать вид, что ее не существует, не существует их дитя.

Наемники волоча ее по битому стеклу и мерзлому грунту, тащили к обрыву за старой фамильной оградой.

Подол платья превратился в грязные лохмотья, туфли слетели еще у крыльца. Но Алексис больше не чувствовала боли в разбитых коленях. Все ее существо, инстинктивно, на уровне затухающих рефлексов, сжалось в один тугой комок вокруг живота — защитить, укрыть, уберечь ребенка от этого безумного мира.

Вдруг ее пальцы на правой руке зацепились за что-то твердое. Обручальное кольцо.

Тонкий золотой ободок с впаянным рубином, который Ричард надел ей на палец в день свадьбы, клянясь перед алтарем в вечной любви и защите. Она судорожно дернула кольцо.

Пальцы от холода и отека распухли, металл впился в кожу до кости, разрывая плоть. Кровь брызнула на золото.

— Чего ты там копаешься — гаркнул наемник, пихнув ее в спину сапогом.

Алексис не ответила. Сжав зубы до скрежета, она дернула изо всех оставшихся сил.

Кольцо соскользнуло с содранного пальца. Несколько мгновений она смотрела на него в тусклом свете пожара. Пять лет этот металл казался ей символом защиты и счастья. Теперь он был лишь клеймом ее чудовищной слепоты. Она разжала окровавленный кулак. Кольцо со звоном упало на мерзлые камни и затерялось среди обломков. Больше она не принадлежала ему. Ни живая, ни мертвая.

Наемник грубо рывком поднял ее на ноги у самого края пропасти, где земля резко обрывалась вниз, к кипящим, ревущим во мраке ледяным бурунам.

Ветер с моря сбивал с ног, швыряя в лицо брызги и снежную крупу.

— Последнее слово, графиня? — ухмыльнулся палач, занося ногу для удара.

Алексис распрямила плечи, насколько позволяла сломанная грудина, и посмотрела на него без страха — в ее глазах горел тот самый холодный, потусторонний огонь, который не гаснет даже в аду.

— Передай своему хозяину одну вещь.

— Какую еще вещь?

— Скажи ему… — она перевела дыхание, чувствуя, как соленая вода смывает кровь с ее лица. — Скажи Ричарду, что я любила его до последнего вздоха. И что за эту любовь он заплатит собственной душой. Однажды я вернусь за ним.

Наемник презрительно фыркнул.

— Скажешь это рыбам на дне морском.

Тяжелый удар сапога пришелся ей под ребра. Мир качнулся, опрокинулся вверх тормашками — и Алексис Малвери сорвалась в бездонную, черную пропасть.

Глава 1

Первым вернулся холод.

Алексис попыталась вдохнуть, и под ребрами резко резануло. Она все еще ждала, что в следующий миг рот наполнится соленой, горькой морской водой, а тяжелая черная толща прибоя снова потянет на дно. Пальцы не слушались, тело казалось чужим и тяжелым, словно налитым свинцом.

- Дыши, девчонка... Ну же, дыши, черт тебя дери...

Хриплый, прокуренный голос звучал словно из глубокого каменного колодца. За закрытыми веками болезненно дрожал тусклый, неровный свет сальной свечи.

- Совсем ледяная, губы синие... Давай, держись, не смей умирать у меня на столе...

Кто-то грубый коснулся ее лица - мозолистые, пропахшие рыбой, дегтем и горькими травами пальцы провели по разбитому виску, стирая запекшуюся кровь и морскую соль. Алексис инстинктивно попыталась отвернуться, но мышцы шеи сковала резкая судорога.

Она хотела спросить, где находится. Почему воздух вокруг так резко пахнет едким дымом, сыростью и йодом, а не воском и лавандой ее спальни? Почему под спиной не мягкая перина, а жесткая, колючая дерюга?

Но стоило ей разлепить пересохшие, покрытые трещинами губы и вдохнуть глубже, как грудную клетку пронзила острая вспышка боли, словно между ребер провернули раскаленный кинжал. Мир снова сорвался в черноту.

***

В ту ночь северное море словно сошло с ума. Черные, тяжелые валы с оглушительным ревом обрушивались на базальтовые утесы северного побережья, вздымая в беззвездное небо пенные столбы. Свирепый декабрьский шквал срывал со скал клочья жухлого вереска, швырял в лицо колючую снежную крупу и завывал в каменных расщелинах так пронзительно, что за три шага невозможно было расслышать собственный крик.

После таких бурь местные жители всегда выходили к нижней бухте. Для нищих рыбаков, живущих в продуваемых всеми ветрами хижинах, зимний шторм был и проклятием, и кормильцем: море выбрасывало на черные рифы обломки разбитых торговых шхун, бочки с прогорклым салом, просмоленные доски, а порой и кошельки утонувших моряков.

Старый, кривоногий рыбак по прозвищу Хромой Томас брел вдоль кромки прибоя на рассвете, когда ветер немного стих, а небо на востоке окрасилось в грязно-серый цвет. За спиной у него болталась пустая плетеная корзина, а в руке он сжимал длинный багор с ржавым железным крюком.

Ночь выдалась скверной. Из четырех выставленных с вечера сетей три унесло в открытое море, а четвертую разорвало о камни. Дома, в покосившейся землянке, ждали голодная сварливая жена и долг местному скупщику рыбы, который обещал к концу недели забрать за неуплату последнюю лодку.

Томас чертыхался сквозь беззубый рот, пиная ногой скользкие бурые водоросли, когда у дальнего каменного волнореза, в трех лигах к востоку от утесов замка Малвери, его взгляд зацепился за яркое пятно среди черных базальтовых зубьев.

Рыбак прищурился, прикрывая слезящиеся от ветра глаза ладонью. Там, застряв между обломком старой шлюпки и острым камнем, лежало тело. Женское изуродованное тело, неестественно изогнутое и переломанное.

Томас перекрестился несколько раз, привычно пробормотав вновь повторяя и повторяя молитву за упокой утопленницы, и поспешил ближе - не из жалости, а из чистого, въевшегося в кровь расчета: на таких дамочках из богатых домов всегда можно поживиться. Если не золотой

цепочкой, так хотя бы шелковым платьем, за которое в портовом трактире дадут пару серебряных монет.

Он подтащил тяжелое, сломанное тело багром ближе к сухой гальке, вырвав зацепившийся за ржавый гвоздь подол дорогого алого шелка, и наклонился над находкой.

Женщина совсем молодая. Лицо белое, как январский снег, правая сторона головы и скула разбиты в кровь о камни, губы синие. На ее туловище было страшно смотреть, он не осмелился глядеть на неестественно вывернутые конечности и тем более на округлый живот, в котором явно еще недавно зарождалась новая жизнь.

Платье, хоть и изорванное в клочья, было сшито из тончайшего столичного шелка с серебряной нитью. На левом запястье тускло блестел тонкий золотой браслет с крошечным сапфиром, а на безымянном пальце виднелась свежая, сорванная до крови полоса кожи - словно перед самой смертью с нее силой сдирали кольцо, а заодно и кожу. Такая одежда не могла принадлежать обычной женщине.

Томас жадно, дрожащими от холода и азарта пальцами расстегнул застежку браслета и мигом спрятал золото за пазуху. Потом потянулся к шнуровке платья, собираясь стянуть дорогую ткань, пока она не примерзла к коже окончательно, но вдруг замер, **отдернув резко руку. Из горла утопленницы вырвался едва слышный хрип. Жива. Теперь бы уйти, пока на берегу никого нет. Только что, если ее столкнули в море? Те, кто это сделал, вряд ли обрадуются, узнав, что она выжила. А если ее ищут родные и кто-нибудь видел, как он тащил ее багром по камням? Найдут у него браслет — и поди докажи, что девчонка была еще жива, когда он ее обобрал. Да и станет ли кто слушать? За такое и повесить могут.**

Первой мыслью было бросить ее здесь, чтобы море и холод сами доделали свою работу. С покойников спроса нет, а с живой хлопот не оберешься - того и гляди стража нагрянет или родственники начнут расспросы, куда делось золото с руки. Но тут жадный, изворотливый ум старого рыбака подсказал куда более выгодную сделку.

За две мили отсюда, на мысе Отшельника, жил старый отставной полевой лекарь Эван. Угрюмый бирюк, который не любил людей, но водился с заезжими контрабандистами и торговцами с южных островов. А еще на побережье шептались, что у Эвана водяная мельница и сундук с серебром, и что он покупает у рыбаков всякую всячину без лишних вопросов. А если девка из знатных и выживет - с нее самой потом можно будет содрать три шкуры за спасение. Или продать ее южным купцам, чей корабль как раз стоял на рейде в закрытой бухте, дожидаясь попутного ветра.

Томас не стал раздумывать. Он сдернул с себя старый, пропитанный рыбьим жиром тулуп, завернул в него ледяную, бесчувственную девушку, взвалил легкое, изломанное тело на костлявое плечо и потащил по каменистой тропе вверх, к покосившейся хижине на мысе Отшельника.

Сделка в полутемной, пропахшей травами и дегтем избе вышла короткой и грубой. Старый лекарь Эван, осмотрев посиневшее тело с раздробленным правым плечом, сломанными ребрами и глубокой рваной раной на виске, лишь сплюнул на пол и выругался сквозь зубы:- Ты мне покойницу приволок, Томас? Она до полудня не дотянет. Внутри все отбито, крови потеряла больше, чем в ней осталось, да еще и… - выразительно посмотрев на тугой живот - Забирай обратно и закапывай в дюнах, пока не протухла.

- Дышит же, мастер Эван! - заюлил рыбак, потирая озябшие руки. - Кость молодая, вытянешь! Глянь на шелк-то - это ж не простая девка, из благородных! Очухается - сама тебя золотом осыпет. А не захочет - через неделю южане на "Черной чайке" отплывают, им как раз товар нужен. Дай мне за нее пять серебряков и мешок ячменя, и я забуду, где ее подобрал и куда принес.

Эван долго смотрел на бледное, окровавленное лицо девушки, лежащей на его грубом дощатом столе. В глубине его уставших, глубоко посаженных глаз шевельнулось что-то тяжелое и давнее. Наконец лекарь молча полез в запертый сундук, швырнул на стол три серебряные монеты и указал подбородком на мешок крупы в углу.- Три серебряка. И чтобы духу твоего здесь больше не было, Томас. Если хоть одна живая душа в порту узнает, что у меня кто-то лежит, я лично спущу тебя с утеса на корм крабам.

Рыбак сгреб монеты, взвалил мешок на спину и исчез за дверью раньше, чем лекарь успел взять в руки хирургические щипцы. А Эван запер тяжелый засов, подбросил поленьев в очаг и засучил рукава, оставшись один на один со смертью.

***

В следующий раз она очнулась от плача. Тихого, надрывного, едва различимого сквозь монотонный шум прибоя и завывание северного ветра. Детского.

Алексис распахнула глаза, но вместо резного потолка собственной спальни увидела низкое, свинцово-серое небо, затянутое набухшими от снега тучами. Рядом ревело безжалостное море, швыряя тяжелые валы на черные скалы. Детский плач раздавался все ближе, становясь отчаяннее, разрывая ее сердце на части. Она попыталась повернуть голову, но шейные позвонки отозвались тупой болью.- Где ты? - сорвался с ее искусанных губ беззвучный шепот. - Малыш... где ты? Подай голос...

Никто не ответил. Плач доносился из сгущающейся вокруг сизой пелены тумана, которая пожирала и берег, и горизонт. Алексис дрожащей, почти не слушающейся левой рукой зашарила по земле, обдирая пальцы об острые камни.- Я здесь, маленький мой... Мама идет, потерпи немного, - прошептала она, пытаясь нащупать во тьме крошечное, теплое тельце.

Пальцы заскользили по мокрой, ледяной гальке и вцепились во что-то мягкое. На секунду ей показалось, что она чувствует живое тепло. Но когда она поднесла руку к глазам, то вместо детской пеленки увидела лишь окровавленный лоскут разодранного алого шелка от ее собственного платья, в который намертво впиталась морская грязь, пепел и ее собственная кровь.

Плач оборвался так же внезапно, как и начался. На его месте из темноты выросла размеренная, тяжелая поступь и знакомый мужской голос, от которого кровь в жилах застывала быстрее любого мороза.- Все должно закончиться сегодня.

Ричард. Она резко перевернулась набок, задыхаясь от адской боли в переломанных ребрах. Он стоял в нескольких шагах от нее. Безупречный, в темном дорожном камзоле с серебряной вышивкой, с сухим, отстраненным лицом. А за его спиной вместо стен древнего замка полыхало родовое поместье Малвери - высокие стрельчатые окна лопались от жара, башни рушились в огонь, погребая под собой ее отца, верных слуг и всю ее прежнюю жизнь.- Ричард, подожди! - закричала она, чувствуя, как горячие слезы смешиваются с ледяным дождем. - Посмотри на меня! Остановись!- Не усложняй, Алексис, - холодно бросил он, даже не замедлив шаг и продолжая неторопливо стягивать кожаную перчатку.- Где наш сын, Ричард?! - крик сорвался на хриплый визг. - Куда ты дел его?! Разве ты не плакал от счастья, когда узнал о нем?! Разве ты не обещал защищать нас?!

Муж замер на мгновение, но даже не обернулся. Его спина оставалась прямой и непоколебимой, как гранитная стена. Ричард медленно растворился в клубах багрового дыма, оставив ее одну среди пепелища. Алексис бросилась следом, и в следующее мгновение земля под ней исчезла. Она снова провалилась в ледяную воду.

***

Она вынырнула из кошмара с собственным хриплым стоном, переросшим в сухой, лающий кашель. Грудь сдавило так, будто ее зажали в железные тиски.

За два с лишним месяца у нее уже бывали такие короткие, рваные просветы в горячечном бреду - минуты, когда жар ненадолго отступал, а реальность проступала сквозь туман запахом

березового дегтя, сушеных кореньев и горьких отваров. Но каждый раз боль и лихорадка утягивали ее обратно в темноту.

В эти мутные, рваные просветы сознания беспощадная память подбрасывала ей жуткие обрывки той проклятой ночи: оглушительный лязг клинков во внутреннем дворе замка, предсмертный хрип старого управляющего, едкий запах пожарища и абсолютно холодные, равнодушные глаза лучшей подруги Элеоноры, стоявшей на высокой галерее с подсвечником в руке, пока наемники с гиканьем ломали тяжелые дубовые двери отцовского кабинета. А затем лихорадка снова и снова плавила эти кровавые воспоминания в бесформенный, мучительный и гулкий шум в ушах.

Вот и сейчас сильные, мозолистые руки аккуратно приподняли ее тяжелую голову, поднеся к пересохшим губам край грубой деревянной чашки.- Тише... Не дергайся, девочка, - проворчал над ухом знакомый прокуренный голос. - Пей, пока жар не вернулся.

Его грубая рука на мгновение легла на ее горячее запястье, проверяя пульс. И вдруг сквозь гул в ушах Алексис отчетливо уловила чужую мысль, прозвучавшую не вслух, а прямо в ее сознании:"Только бы дожила до утра..."

Она попыталась распахнуть глаза, чтобы понять, сказал ли старик это вслух или ей просто почудилось в горячечном бреду, но веки налились свинцом.

По-настоящему ясное пробуждение случилось пасмурным, серым утром, когда за окном завывал холодный северный ветер. Алексис открыла глаза и долго, неподвижно смотрела на потолок. Низкие, потемневшие от дыма деревянные балки с пучками сушеных трав - полыни, зверобоя, чабреца. Кривой дощатый шкафчик с глиняными горшками. За тонкими бревенчатыми стенами глухо и монотонно шумело родное море.

Она попыталась приподняться на здоровом левом локте. Невыносимая боль пронзила правую сторону груди и раздробленное правое плечо, туго примотанное к телу кожаными ремнями и деревянными лубками. Из пересохшего горла вырвался задушенный стон.- Лежи тихо, - раздался из угла глубокий, рокочущий голос.

У каменного очага сидел сутулый седой старик. Густые седые брови нависали над глубоко посаженными, уставшими глазами, а правую щеку пересекал старый побелевший рубец. Он неторопливо помешивал деревянной ложкой в закопченном котелке.- Кто... кто вы? - голос прозвучал чужим и хриплым.- Человек, который последние два с лишним месяца вытаскивал тебя с того света, девочка. Меня зовут Эван. Я бывший полевой лекарь.- Где я? Как я сюда попала? - Алексис попыталась снова сесть, но руки дрожали так сильно, что она рухнула обратно на жесткий матрас, задыхаясь от боли в ребрах. - Меня ищут люди Ричарда? Сколько он тебе заплатил?

Старик нахмурился, в его глазах мелькнуло искреннее раздражение.- Понятия не имею, какой еще Ричард тебе снится. Тебя принес рыбак после той великой бури. Я отдал ему три серебряка - столько стоит твоя жизнь сейчас. Тебя он больше не видел - через две недели перебрал в порту дешевого рома, вышел в море в одиночку, и его лодку перевернуло у рифов. Тело так и не нашли. Вот так и была похоронена твоя великая тайна, милая. Мне не ведомо, что с тобой случилось.

Он взял с низкого стола глиняную чашку с дымящимся отваром и протянул ей.- Пей. И не думай спорить - сил у тебя на это все равно нет.

Отвернувшись к бревенчатой стене, Алексис промолчала. Но чашку из его рук все же взяла, сделав через силу несколько обжигающих, горьких глотков.

***

Она вспомнила о ребенке не сразу. Рассудок, шокированный пережитым ужасом и болью, словно намеренно вытеснил эту мысль в самый темный угол памяти. Но следующим утром, проснувшись в звенящей тишине хижины, Алексис ощутила странную, неправильную легкость внизу живота. Внутри больше не было того тихого, трепетного и живого тепла, которое согре-

вало ее даже в самые промозглые осенние вечера в древнем замке. В памяти мгновенно всплывал запах свежего хлеба, доносившийся из пекарни, жизнерадостный смех отца за завтраком и то самое первое, едва уловимое движение под сердцем, от которого у нее тогда от счастья перехватило дыхание. Она пыталась вспомнить, когда в последний раз чувствовала этот робкий, теплый толчок.

Затаив дыхание, она опустила здоровую левую руку под грубое шерстяное одеяло. Пальцы скользнули по плоской, запавшей ткани старой ночной рубашки. Она провела ладонью ниже, судорожно прижимая пальцы к телу. Пустота. Холодная, плоская, безжалостная пустота.

Дыхание застряло в горле. Сердце сделало дикий кувырок и замерло.- Нет... - вырвалось у нее хриплое, сдавленное.

Паника накрыла ее с головой, смывая остатки самообладания.- Эван! - завопила она так громко, как позволяло сожженное горло. - Эван, иди сюда! Быстрее! Эван!

Дверь распахнулась от тяжелого удара. Лекарь влетел в комнату с длинным разделочным ножом в руке.- Что?! Кто здесь?!- Мой ребенок... - Алексис вцепилась побелевшими пальцами левой руки в его грубый рукав, ее глаза безумно метались по лицу старика. - Где он? Куда ты его дел?! Отвечай!

Эван замер. Нож с глухим стуком упал на деревянный пол. На его изрезанном морщинами лице проступила тяжелая скорбь.- Девочка моя...- Где мой ребенок?! Я спрашиваю тебя! Не смей молчать! - слезы яростным градом сыпались из ее глаз, делая именно моментально красными от лопнувших капилляров.- Когда рыбак притащил тебя ко мне в дом в ту ночь, ты была уже на самой грани между жизнью и смертью, - голос старика звучал тихо, почти виновато. - Твое тело получило страшные внутренние травмы от ударов о рифы и падения со скалы, а ледяная вода довершила дело. Из-за этого кошмара, лихорадки и беспамятства у тебя начались преждевременные роды, которых ты даже не можешь вспомнить. Ты не пришла в себя не на секунду.

Эван опустил взгляд на свои мозолистые руки.- Я один принимал эти роды прямо здесь, на этом столе, в холодной избе под вопли шторма, - продолжил лекарь. - Пытался спасти вас обоих. Но мальчик родился слишком рано - крошечный, безжизненный... Он не сделал ни единого вздоха, потому что твое изломанное тело было истощено до предела. На рассвете я сам завернул твоего сына в чистый белый лен, выкопал могилу на высоком утесе над морем, под старым прибрежным вязом - подальше от волн и диких зверей. Положил сверху плоский морской камень и прочитал заупокойную молитву. А потом вернулся в избу, чтобы сутками бороться за твои ребра и останавливать кровотечение, не давая тебе уйти вслед за ним.

Мироздание рухнуло во второй раз. Алексис отпустила его рукав, ее рука бессильно упала на одеяло. Из груди вырвался сухой, каркающий звук, похожий на вопль раненого зверя, от которого тело забыло как дышать самостоятельно.- Ты должен был спасти его... - зашептала она, раскачиваясь из стороны в сторону и впиваясь пальцами в спутанные волосы. - Зачем ты вытащил меня?! Зачем оставил жить одну на этом пепелище?!- Я не Бог, Алексис, - тихо, но твердо ответил Эван, впервые назвав ее настоящим именем, которое не раз слышал в ее бреду. - Я могу собрать сломанную кость или зашить рану. Но вернуть жизнь тому, кого уже забрала смерть, я не в силах. Прости меня.

Она закрыла лицо рукой, и из ее глаз наконец хлынули слезы, которые она сдерживала все это время. Эван не стал утешать ее пустыми словами. Он молча поднял с пола нож, подкинул поленьев в очаг и тихо вышел, оставив ее наедине с горем.

***

Шли дни. Она снова отворачивалась к бревенчатой стене и часами неподвижно смотрела на потемневшие балки. Ей казалось, что жить после такого - страшный грех перед памятью близких. Зачем дышать морозным воздухом, если ее отец превратился в пепел на ступенях собственного дома, а ее сын лежит под холодным плоским морским камнем на продуваемом

всеми ветрами утесе, лишенный даже имено? Каждый кусок хлеба, который Эван заставлял ее проглотить, казался ей куском могильной земли. Она даже не могла заставить себя попросить старика показать тот плоский серый камень на утесе - ей казалось, что если она увидит его своими глазами, то окончательно признает, что от ее сына, от их общих ночей у камина и нерожденного будущего осталась лишь горстка мерзлой земли под холодным северным ветром.

Однажды утром старик поставил на табурет у ее кровати глиняную миску с дымящейся похлебкой и хмуро процедил:- Мне все равно, будешь ты есть или нет. Помирать у меня на руках я тебе не позволю - иметь на совести труп знатной барышни мне не улыбается.

Он протянул ей деревянную ложку. В тот миг, когда их пальцы случайно соприкоснулись, по коже Алексис пробежала легкая, покалывающая искра, и в голове снова отчетливо прозвучал чужой, уставший голос старика:"Только бы взяла ложку..."

Алексис замерла, пораженно глядя на угрюмое, невозмутимое лицо Эвана. Ей не почудилось в ту первую ночь. Прикосновение открывало чужие мысли. А этот старый ворчун, прячущийся за грубостью и сказками о собственной выгоде, на самом деле просто боялся, что она не справится.

Она медленно взяла ложку из его рук и сделала первый глоток.

В ту ночь ей приснился отец. Он сидел в своем высоком кожаном кресле у камина в старой библиотеке, спокойный и седобородый, в домашнем сюртуке, от которого пахло дорогим табаком и пергаментами. Он посмотрел на нее и властно произнес всего одно слово:- Живи.- Папа, я не могу... - всхлипнула во сне Алексис. - Я не уберегла ни тебя, ни дитя. Мне не для чего дышать. У меня больше нет на это прав.- Живи, - повторил он настойчивей. - Род Малвери не заканчивается на пепелище дома. Пока ты дышишь, они не победили. Ты обещала отомстить, помни это, дочь. Ты - дочь своих родителей, ты - потомок великого и несокрушимого рода. Верни нам утраченное.

Она проснулась с первыми лучами рассвета. В груди все еще горела тяжелая боль, но впервые за все эти недели появилось простое, упрямое желание подняться на ноги. Утром она впервые сама попросила Эвана помочь ей сесть на край кровати.

***

Переломным моментом стало появление газеты в избе старика. Спустя еще три недели, когда Алексис уже могла сидеть без опоры, Эван принес с портового рынка потрепанный листок столичной газеты "Вестник Короны".- Думаю, тебе стоит это увидеть, - хмуро бросил он, кладя желтую бумагу на стол.

Алексис протянула левую руку. На первой странице красовался фамильный герб с горным волком, а под ним шла жирная траурная строка:"ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ДОМА МАЛВЕРИ. СТОЛИЦА СКОРБИТ ВМЕСТЕ С ЛОРДОМ РИЧАРДОМ".

Она жадно впилась глазами в мелкий типографский шрифт. Статья расписывала ночной пожар, вспыхнувший в родовом замке якобы из-за старых дымоходов. Лорд Эдвард Малвери героически погиб в пламени, пытаясь спасти фамильные архивы. А его дочь Алексис, супруга лорда Ричарда, обезумев от горя при виде гибели отца и потеряв нерожденного младенца, выбежала во двор и бросилась со скалы в зимнее море. Тело так и не было найдено. Далее сообщалось, что Корона временно поручила лорду Ричарду управление северными рудниками и землями Малвери до окончательного решения вопроса о наследстве.

А ниже шла большая, детально прорисованная гравюра. Ричард стоял на мраморной паперти главного столичного собора в идеальном черном бархатном камзоле с траурной повязкой на рукаве. Рядом с ним стояла Элеонора, облаченная в черное шелковое платье, скромно приложившая к глазам батистовый платочек. Под гравюрой значилось, что безутешный вдовец принимает соболезнования от канцлера империи.

Алексис смотрела на это лицо долго. Очень долго. В ее глазах эта траурная поза, этот безупречный черный бархат и платочек Элеоноры выглядели отвратительным, циничным спек-

таклем, разыгранным на костях ее семьи. Она явственно вспомнила, как еще осенью Ричард настойчиво уговаривал ее отца подписать передачу права голоса в горном совете, а Элеонора с ласковой улыбкой подливала старику вино с едва уловимым горьковатым миндальным привкусом. Женщина, которая пять лет любила этого человека и верила каждому его слову, в этот миг окончательно умерла.

Сухой, надломленный смех сорвался с ее потрескавшихся губ.- Посмотри на него, Эван! - крикнула она, тыча пальцем в газетный лист. - Он принимает соболезнования канцлера! И уже прибрал к рукам северные рудники! Какая великолепная игра!

Старик молча забрал у нее газету и бросил в очаг. Сухая бумага вспыхнула рыжим пламенем, превращаясь в черный пепел.- Запомни главное, девочка: мертвые не могут свидетельствовать в королевском суде, - тихо сказал Эван. - Для всей империи ты утонула, и твой пустой гроб уже зарыт в семейном склепе. Если ты появишься в столице и назовешь свое имя, тебя отправят не в замок, а в казематы как самозванку. А люди Ричарда добьют тебя в первой же подворотне.

Алексис медленно поднялась со скамьи, подошла к тусклому, потрескавшемуся зеркалу у двери шкафчика и впервые без страха вгляделась в свое отражение. Из мутного стекла на нее смотрела незнакомка: бледная, исхудавшая кожа, провалившиеся глаза с темными кругами, грубо обрезанные с одной стороны волосы и широкий, бугристый багровый шрам от правого виска через всю щеку.

Раньше она могла часами просиживать перед огромным венецианским зеркалом в спальне замка Малвери, доверчиво позволяя служанкам вплетать жемчужные нити в шелковистые темные локоны и слушая тихие вечерние сказки. Тогда она искренне верила, что красота, доброта и верность способны защитить от любого зла. Теперь от той наивной девочки не осталось и следа. Ее изуродованное, изрезанное лицо стало живым, молчаливым напоминанием о той страшной ночи, когда самый близкий человек безжалостно смотрел ей прямо в глаза и отдавал наемникам приказ сбросить ее в темную бездну.

Прежняя наивная графиня Малвери утонула в ту ночь в ледяном прибое. Этот шрам стал ее броней и новым именем. Ричард искал тело хрупкой аристократки, но сам выковал оружие, которое однажды вонзится ему в горло. Он еще не закрепил за собой титул окончательно - Корона лишь временно доверила ему управление рудниками. Они не отдадут просто так золотую жилу, это продлится как минимум несколько месяцев, особенно учитывая, что Ричарда не приветствуют при дворе. А значит, пока печать Короны не легла на указ о передаче титула, у нее есть время добраться до столицы, найти тех, кто боится усиления Ричарда, и разрушить все, что он строит на крови ее отца и сына.

Она отвернулась от зеркала и посмотрела на Эвана. В ее голосе звенела холодная, отточенная сталь:- Хватит с меня постели, Эван. Научи меня ходить без опоры, скрывать хромоту и держать кинжал в левой руке, пока правая не заживет.

Старик долго смотрел на нее, видя перед собой уже не умирающую пленницу скал, а хищницу, чудом выбравшуюся из капкана. Наконец он кивнул, взял в углу тяжелый дубовый посох с железным наконечником и поставил перед ней.- Сделай первый шаг, графиня. Но помни: когда доберешься до столицы, пути назад не будет.

Она знала, что в столице ее ждут не только враги. Там были те, кто годами завидовал богатству Малвери, и те, кто тайно боялся стремительного возвышения Ричарда при дворе. Ей не нужно было поднимать армию - достаточно было найти трещину в его броне и вбить туда клин.

Алексис перехватила посох здоровой левой рукой и шагнула вперед.

На первом шаге правое колено подогнулось. В ребрах и ноге вспыхнула резкая боль, пот мгновенно выступил на лбу. Алексис навалилась на посох и переждала боль, не издав ни звука.- На сегодня хватит, - сказал Эван.

Она сжала дерево до побеления костяшек и переставила посох дальше.- Еще один. Завтра отведешь меня к вязу. Я обязана проститься с сыном как следует.

Глава 2

Утро началось со скрежета засова — сухого, металлического звука, от которого по спине пробежал холодок.

Алексис услышала, как тяжелая дверь подалась под напором ветра, глухо стукнулась о косяк и снова закрылась. По полу мгновенно потянуло сыростью, горькой морской солью и едким дымом:ледяной порыв загнал обратно в хижину то, что за ночь успело вытянуть в трубу.

Она сидела на краю узкой деревянной лежанки и смотрела на собственные ноги.

Левая ступня уже касалась темных, истертых половиц. Правая оставалась на весу, словно между приказом разума и движением пролегла пропасть, которую измученное тело никак не решалось преодолеть. Наконец Алексис с тихим выдохом опустила и ее. Подошву обожгло холодом нетопленого дерева, а от бедра к колену тягучей, горячей волной протянулась боль — знакомая,вязкая, притаившаяся за ночь в истощенных мышцах.

Вчера ей казалось, что самое страшное уже позади. Она ведь встала. Сделала шаг. Потом еще один, вцепившись в дерево посоха до побелевших костяшек.

Сегодня даже спустить ноги с постели оказалось непосильной задачей.

Алексис медленно выдохнула, инстинктивно придерживая правую руку у груди. Плечо, туго стянутое повязкой и лубками, ныло от неудобного сна; каждый глубокий вдох отзывался тупым покалыванием под ребрами. Во рту стоял горький, вяжущий привкус вечернего травяного отвара. Несколько темных, спутанных прядей прилипли к щеке, она убрала их левой рукой, на секунду задержав пальцы у края багрового рубца, и только тогда подняла глаза на Эвана.

Старик остановился у порога с охапкой сухих можжевеловых веток. На его задубевшем от соли плаще медленно таяли крупинки снега. Густые седые брови побелели от инея, нос покраснел, а в короткой жесткой бороде застряла сухая травинка. Он перевел взгляд на ее тонки как ветви босые ноги, и в глубоких морщинах у его глаз мелькнула сухая усмешка.

— Пол решила согреть, графиня? Или уже на танцы собралась?

— Я собираюсь идти, — тихо, но твердо ответила Алексис.

— Вижу, — хмыкнул старик, с глухим стуком сбрасывая ветки возле очага. — Осталось только дров нарубить, рыбу выпотрошить и крышу поправить. Раз уж так резво поднялась.

Он стянул тяжелый плащ, повесив его на деревянный колышек у двери. Под плащом оказался старый шерстяной кафтан с неровной, грубой заплаткой на локте. Алексис невольно задержала на ней взгляд: три вечера назад лекарь долго пытался попасть толстой суровой нитью в ушко иглы, глухо чертыхался себе под нос при тусклом свете свечи и в конце концов с раздраженным ворчанием сунул работу ей.

Это было первое, что она сделала для него собственными руками. Шов вышел кривым, стежки легли вразнобой, но старик, осмотрев работу, молча кивнул и надел кафтан наутро.

Сейчас он присел перед очагом, пошевелил кочергой еще живые с вечера угли и подложил несколько тонких можжевеловых веток. Сухая хвоя затрещала, вспыхнув синеватым пламенем, и по хижине поплыл смолистый, теплый дух. В полумраке проступили знакомые вещи: пузатый глиняный кувшин, связка лука под потемневшей балкой, миска с обломанной кромкой, охотничий нож в потертых кожаных ножнах.

Еще недавно Алексис не могла смотреть на эту тесную, пропахшую дегтем и рыбой комнату без глухого отчаяния. Теперь же она ловила себя на том, что замечает мелочи: глиняную кружку Эван всегда ставил слева от нее, поближе к здоровой руке, а табурет подвигал так, чтобы не приходилось тянуться.

— Ветер с северо-запада, — негромко произнес старик, глядя на разгорающийся огонь. — К полудню разгуляется. Наверху укрыться негде — дерево голое, камни голые, сквозняк до костей пробирает. Если передумаешь, ничего зазорного в этом нет. Другой день найдется.

— Ты обещал отвести меня сегодня, — ответила Алексис, не отводя взгляда от его сутулой спины.

Эван медленно повернул голову и посмотрел ей прямо в глаза.

Алексис выдержала этот взгляд, хотя именно сейчас, после нескольких минут сидения на холоде,ей больше всего на свете хотелось лечь обратно. Натянуть грубое шерстяное одеяло до самого подбородка, закрыть глаза и отложить все, что ждало за этой дверью. Но она знала: если отступит сегодня, завтра подняться будет еще труднее.

Старик коротко кивнул, принимая ее упрямство.

— Обещал. Но сначала поешь. На пустое брюхо далеко не уйдешь.

Он налил в глиняную миску густую, дымящуюся похлебку и поставил на табурет рядом с лежанкой.Над поверхностью плавали крошечные янтарные кружки жира, между разваренной ячменной крупой виднелись кусочки белой морской рыбы. Еще неделю назад от этого тяжелого,непривычного запаха Алексис мутило. Сегодня она без спора взяла деревянную ложку.

Эван отвернулся к шкафчику, гремя какими-то склянками, будто ничего не заметил.

Одеваться оказалось мучительно долго и унизительно трудно. Толстый шерстяной чулок никак не хотел проходить через пятку. Приходилось наклоняться вперед, и от каждого наклона сдавливало не до конца сросшиеся ребра, перехватывая дыхание.Кожаный шнурок на грубом башмаке выскользнул из непослушных пальцев трижды. На четвертый раз Алексис в отчаянии так резко дернула его, что жгучая боль пронзила правое плечо. Она замерла с полуоткрытым ртом, прижимая предплечье к груди и пережидая, пока перед глазами перестанут плыть темные пятна.

У очага тихо скрипнула половица.

— Дай сюда, упрямица.

Эван опустился перед ней на одно колено.

— Я сама, — глухо выдохнула она, пытаясь отдернуть ногу.

— Один ты уже зашнуровала. Я впечатлен, — буркнул старик, без церемоний перехватывая ее щиколотку.

Он взял второй башмак, расправил жесткий кожаный язычок и осторожно надел ей на ногу. Его широкие, загрубевшие от соли и работы пальцы двигались неожиданно медленно, без обычной резкости. У самой щиколотки он задержался, проверяя, не давит ли грубая кожа на косточку.

Алексис смотрела сверху вниз на его седую макушку. Там, среди редких, спутанных волос,виднелось небольшое темное родимое пятно. У виска кожа шелушилась от ледяного морского ветра. Правое колено старик ставил на пол осторожно, стараясь не опираться на него всем весом,а поднимаясь, всякий раз незаметно переносил тяжесть на другую ногу.

Прежде она этого не замечала.

— Не туго? — спросил он, затягивая узел.

— Нет. Спасибо.

Эван выпрямился, с легким кряхтением опираясь ладонью о край лежанки.

На Алексис было простое платье из грубого серого сукна. В нем тянуло под мышками, жесткий ворот царапал шею, а подол оказался короче, чем она привыкла. Старик где-то раздобыл его вместе с чулками и башмаками — должно быть, выменял в рыбацкой деревне. Когда он принес эту одежду, Алексис даже не спросила откуда.

В замке Малвери ее утренние платья раскладывали на постели заранее. Две горничные спорили над оттенком шелковых лент, грели в ладонях холодную золотую застежку ожерелья, тихо спрашивали, какие серьги госпожа пожелает надеть к завтраку.

От этого воспоминания Алексис вдруг стало так стыдно и горько, что она опустила глаза, глядя на свои грубые башмаки. Старая няня Марта, бывало, добродушно ворчала, когда к обеду Алексис меняла уже третье платье. Марта вместе с ней белила стены в детской. Марта осталась там, в горящем доме.

— Подними подбородок, — негромко сказал Эван, возвращая ее в реальность.

Он обернул вокруг ее шеи длинный шерстяной шарф, затем бережно помог просунуть здоровую левую руку в рукав старого, подбитого овчиной тулупа. Правую руку пришлось оставить внутри,прижатой к груди, чтобы не тревожить повязку. Старик поправил тяжелую овчину на плече и завязал кожаные завязки так плотно, чтобы ледяной ветер не добрался до груди.

Последним был плотный темный платок. Алексис сама накинула его на голову, завязала концы под подбородком и провела пальцами вдоль правой щеки, проверяя, надежно ли шерстяной край закрывает уродливый шрам.

Эван протянул ей сучковатый дубовый посох.

— До порога дойдешь?

Она посмотрела на низкую деревянную дверь.

— Дойду.

На третьем шаге правая нога предательски задрожала. Алексис остановилась, крепче перехватила теплое дерево посоха и переждала, пока острая боль перестанет подниматься от бедра к пояснице.

За спиной молчал Эван. Он не торопил и не тянул к ней руки.

Снаружи пахло мокрым камне и будущим снегом.

Алексис замерла на пороге, болезненно прищурившись от резкого дневного света. После вечного полумрака хижины даже низкое, пасмурное февральское небо казалось слишком ярким.Свинцовые тучи висели над самым морем, рассеченные на западе узкой, бледной полосой рассвета. Внизу, за черными зубьями базальтовых скал, тяжело дышал прибой — она видела белые пенные гребни за мгновение до того, как до ушей долетал глухой, сотрясающий землю грохот.

Холод сразу нашел ее лицо. Забрался под край платка, обжег сухие губы, потянулся к шее.Алексис непроизвольно втянула голову в плечи, и правая сторона груди тут же отозвалась ноющей болью.

В нескольких шагах от двери стояла тележка.Небольшая, двухколесная, сколоченная из потемневших от сырости досок, с низкими бортами и гладкими, отполированными ладонями рукоятями. На дне лежали старая овчина и сложенный вдвое войлок. Сбоку Эван уже привязал толстое шерстяное одеяло.

Алексис перевела взгляд на старика. Он молча возился с кожаным ремнем, закрепляя возле борта плоскую металлическую флягу.

— Я пойду сама, — сказала она, чувствуя, как к щекам приливает горячая кровь.

— Иди, — спокойно ответил Эван, не поднимая головы.

— Тогда зачем это?

— Чтобы обратно тебя на спине не тащить. Моя поясница таких подвигов уже не выдержит.

Он затянул узел, проверил рукой ход колеса и только потом выпрямился, глядя на нее спокойно и прямо.

Вчера вечером в теплой хижине Алексис представляла себе эту дорогу иначе. Не легкой прогулкой — она уже понимала, что легко не будет. Но ей казалось, что существует некое предельное усилие воли, после которого тело обязано уступить. Стоит только захотеть достаточно сильно. Сжать зубы. Не позволить себе остановиться.

Эта тележка для дров и рыбы, приготовленная стариком заранее, разрушала ее гордую уверенность еще до первого шага.

— Я не собираюсь…

— Алексис.

Она осеклась.

— До утеса полмили. Сначала ровная тропа, потом крутой подъем. Можешь попробовать пройти до поворота. Я буду рядом.

Старик говорил ровно, без насмешки и без жалости. Именно это раздражало сильнее всего: он не спорил с ней, не сомневался и не пытался доказать очевидное. Просто стоял возле тележки,заранее зная, чем закончится ее попытка.

Алексис молча отвернулась и глубже вбила тупой конец посоха в мерзлую землю.

Первые шаги дались легче, чем она ожидала. У самой стены хижины было затишье — сруб задерживал порывы ветра. Под толстыми подошвами хрустели мелкие камешки, вмерзшие в землю. Она шла медленно, выверяя каждый шаг и стараясь не переносить вес на правую ногу слишком резко.

Позади тихо скрипнуло деревянное колесо. Алексис заставила себя не оборачиваться.

На десятом шаге под тяжелым тулупом стало жарко, на лбу выступила испарина. На пятнадцатом она остановилась, делая вид, что рассматривает далекую полосу прибоя. Эван остановился в трех шагах позади, не проронив ни слова.

Узкая тропа огибала заросли жухлого вереска и уходила вверх, к темным базальтовым выступам. Между узловатыми, оголенными ветром корнями белели полосы слежавшегося снега. Над обрывом с резким криком метнулась чайка, на миг замерла в потоке воздуха и исчезла за гребнем скалы.

Алексис перевела дыхание и снова двинулась вперед.

Теперь приходилось следить за каждым движением, как за сложной работой. Найти надежное место для посоха. Проверить, не скользит ли наконечник на невидимой наледи. Переставить левую ногу. Подтянуть правую. Еще раз. И еще.

Когда тропа пошла круче, боль изменилась. Она перестала быть тупой, разлитой по всему бедру — собралась в один острый, жгучий узел прямо под коленом и резко дернула вниз. Алексис успела вцепиться в посох, но нога уже подогнулась, лишая ее опоры.

— Стой.

Эван оказался рядом раньше, чем она успела коснуться коленом камней. Одной сильной рукой он подхватил ее под левый локоть, другой надежно удержал за пояс тулупа. Несколько мгновений Алексис почти целиком висела на нем, задыхаясь от резкой вспышки боли. Близко от его одежды пахнуло очажным дымом, мокрой овечьей шерстью и горькой целебной мазью.

Она попыталась выпрямиться, отталкиваясь от его плеча.

— Подожди, не дергайся, — негромко сказал он.

— Отпусти меня.

— Сначала встань твердо на левую.

Она послушалась. Правая ступня едва касалась каменистой тропы, в ушах глухо шумела кровь. Эван не разжимал рук, пока не убедился, что она удерживает равновесие сама. Затем он подвел тележку вплотную, поставил ее поперек склона и привычным движением подложил под колесо плоский камень.

Алексис смотрела на расстеленную овчину. Внутри все сжалось от жгучего, удушливого отвращения к собственной беспомощности. Несколько десятков шагов. Даже до первого поворота не дошла.

— Я могу идти дальше, — глухо произнесла она, не поднимая глаз.

Старик вытер рукавицей замерзший нос.

— Знаю, что можешь. Вопрос только в том, сколько недель ты потом пролежишь пластом.

— Я не мешок с репой, Эван.

— Репа не спорит. С ней куда проще, — спокойно отозвался он, расправляя войлок и смахивая с него сухую щепку. — Садись.

Он протянул ей руку, но Алексис не взяла ее. Ледяной ветер шевелил края овчины. Где-то под досками тихо поскрипывало незатянутое крепление. Тележка пахла сырыми дровами, водорослями и рыбой — простыми вещами,которые возили, складывали и выгружали у порога.

Когда-то, в другой жизни, отец настаивал, чтобы она научилась ездить верхом без помощи конюха. Восьмилетняя Алексис падала в грязь, разбивала в кровь колени и снова упрямо взбиралась в седло, потому что лорд Эдвард стоял у деревянной ограды и молча ждал.

Сейчас у ограды ждать было некому. А ее сын лежал там, наверху.

Она медленно повернулась к Эвану, сгорая внутри от того, что является обузой для старика, у которого очевидно здоровья тоже было не так много, как хотелось бы.

— Помоги сесть, пожалуйста.

Старик ничего не сказал. Не напомнил о недавнем споре, не усмехнулся — только крепче и бережнее взял ее под левую руку, помогая устроиться на жестком войлоке. В тележке ощутимо трясло.

Эван старательно выбирал дорогу, обходил крупные валуны, несколько раз останавливался, чтобы подтянуть колеса на очередной каменный уступ. Но даже на самых ровных участках каждый толчок глухо отдавался под ребрами. Алексис придерживала правый локоть левой ладонью и старалась не напрягаться всем телом, когда колесо приближалось к очередной промоине.

Поначалу она смотрела исключительно в сторону моря. Ей казалось, что если повернуть голову,она увидит свое унижение целиком: старика у деревянных рукоятей, его согнутую спину, свои бесполезные ноги под чужим шерстяным одеялом.

Потом она услышала его дыхание. На крутом участке подъема Эван дышал тяжело, открытым ртом, с тихим хрипом выпуская на морозный воздух облачка пара. Один раз он остановился, прижав толстую рукавицу к пояснице, и несколько секунд стоял неподвижно, опустив голову. При этом он не ругался — хотя в хижине обычно ворчал на все подряд: на отсыревшие дрова, на тупой нож, на рыбу, которая успела испортиться еще до рынка.

Алексис перевела взгляд на его руки, сжимающие оглобли. Кожа на костяшках потрескалась до крови от холода и воды. У основания большого пальца темнел старый, плохо заживший порез.

— Далеко еще? — негромко спросила она.

— Нет. Почти наверху.

Через несколько шагов он все же остановился.

— Не замерзла?

— Нет.

Эван кивнул и снова взялся за рукояти. Алексис приоткрыла рот, собираясь сказать, что они могут постоять и отдохнуть. Но старик уже двинулся вперед, и слова почему-то застряли в горле. Она никогда прежде не задумывалась о том, сколько тихого, незаметного труда стоит простая человеческая забота. В замке Малвери все происходило само собой, еще до того, как она успевала об этом попросить. В спальне появлялись сухие березовые дрова. Чистая теплая вода ждала в серебряном кувшине у умывальника. Простыни пахли сушеной лавандой, сафьяновые башмачки — воском, а тонкие сорочки лежали согретыми возле камина.

За всем этим стояли чьи-то руки. Чьи-то больные, ноющие спины. Чье-то раннее, холодное утро. Алексис прикрыла глаза. Перед внутренним взором вдруг возникла старая няня Марта, тайком растирающая пальцами опухшее колено в коридоре, пока думала, что никто не видит. Алексис тогда мельком спросила, не прислать ли замкового лекаря. Марта улыбнулась, отмахнулась, и Алексис легко успокоилась. Ей тогда было так просто успокоиться.

Тележка остановилась.

— Дальше придется немного пройти, — негромко сказал Эван. — Колеса здесь не пройдут.

Она открыла глаза. Старый вяз стоял чуть выше, за невысоким каменным уступом. Издали он показался Алексис меньше и ниже, чем она рисовала себе по словам лекаря. Приземистый, искривленный десятилетиями морских штормов, с широким, изъеденным солью стволом и редкими голыми ветвями, тянущимися в сторону суши. Его узловатые корни глубоко уходили в мерзлую землю между базальтовыми плитами, отчаянно цепляясь за край утеса.

А прямо за деревом лежало бескрайнее, свинцовое море. Алексис долго смотрела на этот узкий просвет между темным стволом и низким зимним небом.Потом медленно опустила глаза и увидела камень.

Плоский. Серый. Обточенный волнами — ничем не отличавшийся от сотен других валунов на этом пустынном побережье.

В груди мгновенно стало пусто и тихо.

Она знала, куда идет. Знала с того самого утра в хижине, когда Эван рассказал ей о преждевременных родах. Несколько дней подряд она представляла себе это место, просыпалась с мыслью о нем, упрямо пыталась подняться с лежанки, чтобы наконец добраться сюда. И все же до этой самой минуты какая-то глупая, упрямая часть ее души продолжала не верить.

Там, под этим серым камнем, действительно кто-то был. Ее сын.

Эван осторожно опустил рукояти на землю.

— Я помогу.

Алексис едва заметно отпрянула, когда он протянул ей руку. Старик замер, не настаивая. Она смотрела на серый камень, пытаясь унять вдруг сбившееся дыхание.

— Я сама должна. Спасибо.

— Здесь высокий уступ. Сначала помогу встать, потом пойдешь.

Его голос оставался спокойным и твердым. Алексис коротко кивнула.

Он снял шерстяное одеяло, осторожно придержал ее за левый локоть. Ноги, долго оставшиеся неподвижными на холоде, слушались хуже, чем в начале пути. Пришлось постоять несколько секунд, опираясь бедром о низкий борт тележки. Эван молча подал ей дубовый посох.

До старого вяза оставалось меньше тридцати шагов. Алексис сделала первый шаг. Затем второй. На открытом плато ветер дул сбоку, с силой толкая в плечо, словно пытаясь сбить с тропы к обрыву. Она крепче натянула край платка и смотрела только под ноги. Перед глазами мелькали сухие стебли вереска, мелкие камни, темные трещины в мерзлой земле. Наконечник посоха глухо стучал о мерзлые землю, с трудом находя место, где можно было надежно опереться.

Один раз, когда нога скользнула на камне, Эван молча подхватил ее под руку. Она не оттолкнула его, тихо прошептав слова благодарности и извинений.

У самых корней вяза старик расстелил сложенный вдвое войлок и помог ей опуститься на колени.Правую ногу пришлось вытянуть чуть в сторону, чтобы не сгибать больное колено. Подол грубого серого платья сбился, открыв край шерстяного чулка; Эван молча поправил ткань и накрыл ее ноги принесенным одеялом.

— Я буду там, у тележки, — тихо сказал он, кивнув назад.

Алексис не ответила, она не могла выдавить ни слова.

Когда тяжелые шаги старика стихли в шуме ветра, она еще какое-то время неподвижно смотрела на собственную левую руку, лежавшую поверх грубой шерсти.

Потом медленно стянула вязаную рукавицу. Камень оказался шероховатым. Алексис почему-то ожидала почувствовать холодную, гладкую полировку, как на мраморных плитах фамильного склепа в Малвери. Но под ее пальцами оказались крошечные впадины, острые

песчинки и сухой, колючий лишайник у самого края. Она осторожно провела обнаженной ладонью по ледяной поверхности.

Имя, которое она перебирала в голове всю прошлую ночь, вдруг исчезло. Все длинные, торжественные речи, приготовленные в тишине хижины, здесь, под этим низким серым небом, показались чужими, пустыми и ненужными. Она смотрела на серый валун и думала только об одном: здесь не должно было быть так холодно. В детской южного крыла замка Малвери высокие окна выходили в старый сад. Няня Марта уверяла, что там лучше утренний свет и совсем нет зимних сквозняков. К весне прямо под каменной стеной должны были распуститься белые цветы, мудреное название которых Алексис никак не могла запомнить, хотя отец всякий раз шутливо сердился и повторял его снова. У самого окна собирались поставить широкое кресло с высокой спинкой. Она уже выбирала тонкую ткань для занавесей и долго спорила с замковой портнихой из-за кружевной вышивки на пологе колыбели, будто от этих крошечных узоров зависела вся будущая жизнь.

Здесь не было ни кружевных занавесей, ни мягкого кресла. Только тяжелое свинцовое небо и вечный грохот прибоя внизу.

— Я пришла, — произнесла она.

Голос получился тихим, хриплым. Ветер тут же подхватил и унес слова в сторону моря. Алексис наклонилась ниже, словно ребенок под камнем мог ее не расслышать.

— Прости, что так долго.

Под ее ладонью ничего не менялось. Камень оставался мертвым, холодным как и ее дитя. Из узкой трещинки возле древесного корня выбилась сухая травинка и при каждом порыве ветра легко задевала ее обнаженное запястье.

Алексис закрыла глаза и попыталась представить лицо своего сына. Не смогла. Это оказалось самым страшным. У него мог быть упрямый подбородок, как у нее. Или густые,строгие брови деда Эдварда, над которыми она в детстве смеялась, когда он хмурился над приходными книгами. Возможно, у него были бы темные волосы. А возможно, светлые — такие,как у ее матери на старом портрете в библиотеке.

Алексис не знала. Ни единого воспоминания, за которое могла бы ухватиться материнская память.Ни первого крика. Ни теплого, робкого движения. Даже боль тех преждевременных родов принадлежала глубокой, беспамятной темноте, из которой она не вынесла ничего.

— Я тебя совсем не видела, — прошептала она.

Слова сорвались сами собой. Она судорожно прижала ладонь ко рту, но было уже поздно — в груди что-то болезненно сдвинулось, словно до этого держалось на одном неправильно сросшемся ребре.

— Совсем не видела…

За спиной тихо скрипнуло дерево — должно быть, Эван поправил тележку на ветру. Алексис слышала этот звук с пугающей отчетливостью. Слышала, как ветер треплет край одеяла, как шуршит по камню сухая трава, как собственное прерывистое дыхание цепляется за горло. Слез не было. От этого становилось еще тяжелее. В хижине она так боялась расплакаться здесь,так готовилась к тому, что не сумеет остановиться. А теперь сидела перед могилой сына с сухими,горящими глазами и не могла понять, что с ней не так.

— Тебя зовут Эдмунд, — негромко сказала она.

Имя прозвучало непривычно в шуме ветра. Алексис повторила его про себя, а потом произнесла вслух чуть увереннее:

— Эдмунд.

Она не знала, позволено ли давать имя тому, кто уже ушел. Нужно ли для этого присутствие священника. Следовало ли прочитать молитву, слова которой вдруг вылетели из головы, оставив лишь обрывки. В Малвери для всего существовал строгий, вековой порядок: кто дол-

жен войти в часовню первым, где кому стоять, какие слова произнести перед алтарем и какую сургучную печать поставить под свидетельством.

Здесь не было никого, кто мог бы ее поправить.

— Эдмунд Малвери, — произнесла она тверже. — Мне нравится, как это звучит.

Ее потрескавшиеся губы едва заметно дрогнули.

— Твоему деду тоже понравилось бы. Он бы, конечно, сделал важный вид, будто долго раздумывает. Велел бы принести старую родовую книгу и стал бы вспоминать всех Эдмундов за последние три столетия. Обязательно отыскал бы одного, который выиграл какую-нибудь славную битву, и другого, который едва не проиграл все северные земли в карты.

На последнем слове голос ее сорвался. Алексис замолчала и медленно провела озябшими пальцами вдоль края камня, отыскивая место, где он уходил в мерзлую землю. Почва там была твердой, как железо. Она попробовала подцепить ногтем маленький смерзшийся комок, но тот не поддался.

Ей вдруг отчаянно захотелось сделать для него хоть что-нибудь простое, живое. Убрать сухую ветку. Прикрыть голую землю. Поправить то, что еще можно поправить руками. Алексис осторожно вытащила из-под корня сломанный, почерневший стебель и отложила его в сторону.

— Он ведь уже выбирал тебе лошадь, — тихо сказала она, глядя на серый валун. — Еще до того,как ты появился на свет. Я тогда смеялась. Говорила, что сначала тебе придется научиться хотя бы держать голову.

На одно короткое, пронзительное мгновение она снова увидела длинный дубовый стол в Малвери,серебряную ложечку возле фарфоровой чашки, тяжелую, мозолистую руку отца поверх своей.Увидела так ясно, что почти ощутила запах свежего утреннего хлеба.

— Ты бы с ним намучился, сынок, — прошептала Алексис. — Он ужасно упрямый.

Она сделала глубокий, рваный вдох. Еще один.

— Был.

Это короткое слово наконец сломало ее. Слезы появились беззвучно, без всхлипов. Просто одна горячая капля скользнула по бледной щеке, вторая упала на серый камень, оставив маленькое темное пятнышко. Алексис смотрела, как оно медленно растекается в мелких неровностях гранита, и не пыталась вытереть лицо.

Там, в хижине, она плакала от физической боли, от животного ужаса, от бессильной злости на Эвана, который не сумел совершить чудо. Здесь она впервые плакала о том, чего никогда не узнает. Как ее сын засыпал бы у нее на руках после кормления. Каким звонким стал бы его детский смех. Сколько раз она устало раздражалась бы на него из-за пустяков, не понимая, какое это счастье — иметь право на эти пустяки.

— Я думала, у нас еще столько времени, — тихо выдохнула она. — Столько времени впереди…

Слов больше не осталось. Эван подошел не сразу. Алексис услышала его тяжелые, размеренные шаги, когда кончики ее пальцев уже совсем перестали чувствовать холод камня. Старик остановился рядом, не загораживая вид на море. Некоторое время они молчали, слушая ветер.

Потом она тихо спросила, не поднимая головы:

— Ты завернул его в лен?

Старик чуть повернул голову в ее сторону.

— Да.

— В чистый?

— В чистый.

Алексис медленно кивнула. Ей необходимо было услышать это еще раз. Не весь страшный рассказ о той штормовой ночи, а только эту единственную подробность. Что нашелся чистый белый лен.Что кто-то держал ее мальчика бережно, пока сама она лежала в беспамятстве.

— Ему было холодно? — вырвался вопрос прежде, чем она успела себя остановить.

Эван ответил не сразу. Алексис смотрела на серую поверхность валуна, чувствуя, как к щекам приливает горячий стыд. Глупый, бессмысленный вопрос. Она сама знала, что глупый.

— Нет, — негромко, но твердо сказал старик. — Не было.

Она закрыла глаза. За спиной глухо шумело море. Где-то далеко над скалами кричала птица. Эван стоял рядом, и Алексис вдруг с неожиданной ясностью поняла, что он тоже помнит ту ночь — совсем иначе, чем она, но помнит. Грубый дощатый стол, дрожащее пламя сальной свечи, кровь и крошечное, бездыханное тело в своих больших, огрубевших ладонях.

Она не слышала ни единой его мысли — между ними лежали шерсть, овчина и кожа. И сейчас она была этому искренне благодарна.

— Здесь никто… — Она сглотнула вставший в горле ком. — Дикие звери не доберутся?

— Не доберутся. Я глубоко выкопал и камнем привалил как следует.

Алексис повернула к нему лицо. Ветер трепал его седую бороду. На щеке темнел старый шрам, а уставшие глаза слезились от колючего холода. Он выглядел просто старым, замерзшим человеком,который слишком долго стоял на открытом всем ветрам утесе.

— Спасибо тебе, Эван, — тихо сказала она.

Старик отвел взгляд в сторону горизонта.

— Рука совсем окоченела. Надень рукавицу, пока пальцы не отморозила.

Она послушалась, перед чем еще раз бережно коснулась шершавого камня кончиками пальцев,прощаясь.

— Я вернусь, Эдмунд, — прошептала она.

Это обещание оказалось труднее всех остальных. Не отомстить. Не разрушить чужие жизни. Просто снова подняться на этот утес. Живой.

Алексис наклонилась и на мгновение прислонилась лбом к вязаной рукавице, лежавшей на камне.

Перед закрытыми глазами вдруг возникло лицо Ричарда. Не то, которое она видела последним в багровых отсветах горящего замка. Другое: в их столичном особняке у камина, над крошечной серебряной погремушкой. Растерянное, счастливое, с влажными от непрошеных слез глазами. Сейчас ей отчаянно хотелось назвать все это притворством. Стереть одним презрительным словом и больше никогда не возвращаться к этому воспоминанию. Но память оказалась упрямее ненависти. Она бережно сохранила дрогнувший голос мужа. Его пальцы, сжавшие ее ладонь. То мгновение, когда он упал перед ней на колени.

Алексис резко выпрямилась. Правое плечо тут же отозвалось острой, режущей болью.

Он все помнил. Там, на обледеневшем дворе Малвери, он помнил каждый миг того вечера — она видела это в его глазах. И все равно повернулся и ушел.

Ее пальцы сжались на краю камня так сильно, что заболели ногти.

— Я не позволю им оставить себе то, за что они тебя убили, — произнесла она тихо, но в ее голосе не дрогнула ни одна нота.

Алексис еще несколько мгновений смотрела на плоский серый камень под старым вязом, затем повернулась к лекарю:

— Помоги мне подняться.

Он осторожно подхватил ее под левую руку, дождался, пока она найдет надежную опору на посох,и помог встать. После долгого сидения на холоде правая нога почти не сгибалась. Алексис постояла немного, склонившись над посохом, и ждала, пока в онемевшую ступню с болезненным покалыванием вернется чувствительность.

До тележки они добрались медленно. На этот раз она не спорила и не отводила взгляда. Только придержала край шерстяного одеяла, пока Эван поправлял сбившийся войлок, и тихо спросила:

— Тебе не тяжело везти меня?

Старик покосился на нее с таким искренним недоверием, будто заподозрил в ее словах какой-то хитрый подвох.

— Ты легче мешка морской соли, графиня.

— Я серьезно спрашиваю.

— И я не шучу. Садись давай, не выстужай себя.

Он помог ей устроиться на войлоке и тщательно укрыл ноги одеялом. Потом потянулся к привязанной сбоку фляге, отвинтил крышку, сделал короткий глоток и протянул ее Алексис.Внутри оказался еще теплый, чуть горьковатый отвар из шиповника и сушеных трав.

Алексис сделала пару глотков. Нагретый металл приятно обжег замерзшие губы, и это простое,телесное ощущение неожиданно вернуло ее к реальному миру — к серому февральскому дню,колючему ветру, мокрым шерстяным рукавицам и сутулому старику возле тележки.

— Как ты один поднял сюда такой тяжелый камень? — спросила она, возвращая флягу.

Эван закрутил крышку и закрепил ремень.

— Не за один раз. Подкладывал слеги, перекатывал понемногу.

— Совсем один?

— Со мной тогда никто не спорил. Дело пошло куда быстрее.

Она посмотрела на него. Старик уже отворачивался к рукоятям, но Алексис успела заметить, как в уголках его губ дрогнуло что-то похожее на усмешку. В груди у нее самой болезненно шевельнулось непривычное тепло — почти улыбка. Она не позволила ей проступить на лице, словно здесь, рядом с утесом, это было бы неуместно. Но Эван, кажется, и без того все понял.

— Держись крепче за борта, — предупредил он, поднимая оглобли. — Вниз спускаться хуже, чем вверх лезть.

Обратный путь действительно оказался сложнее. На самом крутом, каменистом участке лекарь развернул тележку и пошел спиной вперед, удерживая ее тяжесть всем весом своего тела. Алексис слышала, как тяжело он дышит и как под его грубыми подошвами с сухим шорохом осыпается мелкий щебень.

У первого поворота тропы он остановился перевести дыхание.

Одинокий старый вяз еще был виден наверху, на фоне бледного зимнего неба. Теперь Алексис точно знала, где искать его взглядом. От этого место перестало быть размытой, пугающей точкой где-то за стенами хижины. У ее горя наконец появились четкие очертания: искривленное дерево,плоский серый камень, сухая трава у корня.

Она смотрела туда долго, запоминая. Потом медленно стянула левую рукавицу.

Под краем суконного рукава кожа на запястье была бледной, почти прозрачной. Там, где прежде лежал металл, едва заметно светлела тонкая полоска. Алексис провела по ней большим пальцем — и вдруг с пугающей, режущей ясностью вспомнила, как отец застегивал это украшение на ее руке. Это случилось в старой библиотеке замка Малвери, в день ее восемнадцатилетия. За высокими окнами шумел осенний дождь. Внизу, в парадных залах, слуги уже расставляли корзины с поздними цветами к вечернему приему, а она сбежала к отцу, устав от бесконечных советов горничных о прическе.

Лорд Эдвард достал из ящика письменного стола узкую бархатную коробочку.

— Это для меня? — спросила тогда Алексис, заглядывая ему через плечо.

Отец невозмутимо поднял густую бровь.

— Нет, для старого управляющего. Ему очень пойдет северный сапфир к парадному камзолу.

Алексис звонко рассмеялась. Браслет оказался тонким, почти невесомым. Тусклое северное золото изящно изгибалось вокруг маленького темно-синего камня, словно две переплетенные ветви. А на самой застежке искусный мастер вырезал фамильный знак Малвери — горного волка. Под ним, совсем мелко, значились ее имя и год рождения.

Она тогда долго поворачивала руку к свету из окна, любуясь игрой камня. Отец велел не возиться с замком: застежка тугая, сама не справится. Потом все же с улыбкой позволил ей попробовать самой. Теперь Алексис смотрела на свое пустое, бледное запястье, и воспоминание постепенно менялось.Уходило уютное тепло библиотеки, исчезал низкий голос отца. Оставались только тугая застежка,вырезанный волк и мелкие буквы, которые без труда можно прочитать, если поднести золото к свече.

Она медленно подняла голову.

— Эван.

Старик обернулся, вытирая лоб рукавицей.

— Что еще?

— Ты говорил, тот рыбак — Томас — утонул через две недели после той бури?

— Говорил.

— А до этого он успел кому-нибудь рассказать обо мне?

Эван чуть прищурился, вглядываясь в ее лицо.

— Откуда мне знать?

— Совсем никому?

— Алексис, я за ним по пятам не ходил, — сухо ответил он. — У меня других забот хватало. С тобой, например.

Она снова опустила взгляд на руку. На безымянном пальце еще виднелся бледный след от сорванного обручального кольца. Его судьбу она помнила ясно: золото, собственная кровь, острые камни у края обрыва. Кольцо осталось там, наверху, среди обломков — она сама выбросила его перед тем, как ее столкнули в прибой. Но браслет был на ней. Она не снимала его ни перед ужином, ни после. Она отчетливо помнила прохладное прикосновение сапфира к коже, когда прижимала ладонь к животу. Даже там, на ледяных плитах внутреннего двора, под грубыми руками наемников, она подсознательно цеплялась за это ощущение — за последнюю ниточку, связывавшую ее с отцом и прежней жизнью.

— В ту ночь на мне был браслет, — тихо произнесла она. — Золотой. С маленьким синим сапфиром. Ты его видел?

Эван ответил не сразу. Эта короткая пауза сказала ей больше любых слов.

— Когда Томас втащил тебя в хижину, запястье было пустым.

— Значит, он снял его?

— Думаю, да.

— Он сказал тебе об этом?

— Нет.

Алексис подняла на старика тяжелый, пристальный взгляд. Эван негромко вздохнул.

— Рукав у тебя был задран до локтя. На коже возле кисти — свежая царапина, будто замок дернули силой, не расстегивая. И сам Томас все время прятал левую руку за пазухой, словно боялся, что у него что-то вывалится на пол. Мне тогда не до побрякушек было, девочка. Ты дышала через раз, кровь из головы все еще текла.

Алексис медленно, тщательно натянула вязаную рукавицу обратно.

— Значит, браслет остался у него.

— Выходит, так.

— И кто-то мог его увидеть.

Эван поставил тележку ровнее на узкой тропе, подвинул носком сапога плоский камень к колесу и только после этого отпустил рукояти. Теперь он смотрел на нее совершенно серьезно, без тени прежней снисходительности.

— Я спрашивал о золоте после его смерти, — негромко произнес он.

Алексис замерла.

— У кого?

— У его вдовы. У хозяина портового трактира. И еще у одного человека в бухте, который скупает все, что море выбрасывает на берег.

— И что?

— Вдова браслета не показала. Клялась, что муж ей ничего не приносил, только серебро пропил.Трактирщик уверял, что видел у него лишь монеты.

— А скупщик?

— Сказал, что такого не приносили.

— Он мог соврать, — жестко заметила Алексис. — Если понял, что вещь дорогая и краденая.

— Мог, — спокойно согласился Эван.

Алексис до боли сжала пальцы под грубой шерстью рукавицы. Ей вдруг нестерпимо захотелось немедленно встать. Куда-то идти, действовать, сделать хоть что-нибудь с этой внезапно выросшей из прошлого угрозой. Но ноги лежали под тяжелым одеялом, и даже попытка пошевелиться отзывалась тупой, ноющей усталостью.

— Почему ты вообще стал о нем расспрашивать? — тихо спросила она.

Эван задумчиво провел рукавицей по седой бороде.

— Потому что я хорошо знал Хромого Томаса. Он умел продавать одну находку по три раза. Сначала саму вещь. Потом рассказ о ней за кружкой рома. А потом — свое молчание.

Старик говорил ровно, без злости, и от этого каждое его слово ложилось на душу тяжелым камнем.

— В ту ночь я дал ему три серебряка, чтобы он убрался и забыл дорогу к мысу, — продолжил лекарь. — Но Томас был не дурак: он быстро смекнул, что если старый лекарь заплатил один раз,то заплатит и второй. Через несколько дней он притащился снова. Сказал, будто старая рана на ноге разболелась, попросил мази.

— И ты дал?

— Дал. Он все топтался у порога, пытался заглянуть за мою спину в комнату. Спросил вполголоса, дышит ли еще моя штормовая находка.

Алексис почувствовала, как ледяная игла прошла под тулупом вдоль самого позвоночника.

— Что ты ему ответил?

— Сказал, что если он еще раз сунется на мыс Отшельника, я спущу его со скалы без всякой мази.

— Он понял, что я выжила?

Эван отвел взгляд в сторону серого, бурлящего моря.

— Полагаю, понял.

Некоторое время на склоне слышался только резкий свист ветра в камнях. Алексис смотрела на темный край его суконного рукава и заставляла себя думать холодно, ясно — так, как отец с пятнадцати лет учил ее разбирать запутанные торговые счета: отделить то, что известно наверняка, от того, что можно лишь предположить.

Томас нашел ее живой. Принес к лекарю. Снял с руки браслет. Вернулся проверить, выжила ли она. После этого утонул. Но само украшение так и не нашлось.

— Ты слышал, о чем он болтал в трактире? — спросила она.

— Сам — нет.

— Кто слышал?

— Хозяин кабака.

— И что именно говорил Томас?

Эван помолчал несколько секунд. По его нахмуренным бровям Алексис сразу поняла: самое неприятное старик еще не сказал.

— Хвастался по пьяни, будто море подарило ему дорогое золото, а я заплатил за хозяйку меньше,чем стоила одна застежка.

Алексис перестала чувствовать озябшие пальцы.

— Он так и сказал? Про хозяйку?

— Трактирщик божился, что Томас был в стельку пьян и нес всякую околесицу, лишь бы выпить в долг. Никто ему не поверил.

— Но он это сказал, — глухо повторила она.

Алексис отвернулась к обрыву. Внизу тяжелый зеленый вал с ревом ударил о черный базальт и разлетелся облаком белой пены, несколько холодных брызг долетели даже сюда, до тропы.

Ей вдруг показалось, что старая бревенчатая хижина внизу, которую еще утром она воспринимала как тесную тюрьму, стоит посреди открытой, продуваемой всеми ветрами площади. Что ее стены слишком тонки. Что дверь видна за три мили с моря. Что любой человек, задавший пару нужных вопросов в портовом кабаке, сможет дойти до этого порога за полдня.

Эван присел на корточки возле тележки, оказываясь с ней на одном уровне.

— Посмотри на меня.

Она не повернулась, вглядываясь в свинцовый горизонт.

— Алексис.

В голосе старика зазвучала жесткая, властная нота. Она заставила себя повернуть голову.

— Прошло больше двух месяцев, — твердо сказал он. — Никто не приходил. Ни к Томасу, ни в трактир, ни ко мне. Если бы рыбак разболтал это каждому встречному, здесь давно бы рыскали чужие люди.

— Ты не можешь знать наверняка, кому он успел рассказать, — тихо возразила она.

— Не могу. Но и ты не знаешь, что сюда вообще кто-то идет.

Она до побеления пальцев стиснула край шерстяного одеяла. Старик был прав. Но от этой правоты легче не становилось.

Алексис снова представила свой браслет. На грязном прилавке у скупщика. В чужой, жадной ладони. Или на запястье какой-нибудь столичной дамы, которой приглянулся редкий северный сапфир.

— На застежке вырезан герб дома Малвери, — произнесла она отчетливо. — Горный волк. А прямо под ним — мое имя и год рождения.

Эван медленно поднялся во весь рост.

— Полное имя?

— Алексис. Этого более чем достаточно, если рядом фамильный волк.

Старик долго смотрел вниз, в сторону скрытой за скалами бухты.

— Теперь понятно.

— Ты думал, это просто кусок золота.

— Я думал, что любое золото в этих краях переплавляют в слиток в тот же вечер, — глухо ответил он. — Чтобы следов не оставлять.

— А если не переплавили?

Эван не ответил. Алексис почувствовала короткое, почти злое облегчение: наконец он увидел ту же опасность, что и она. Но следом за облегчением пришел тихий стыд. Старик уже искал этот след. Пока она лежала в беспамятстве и горела в лихорадке, он и без ее подсказок понимал, чем грозит пьяная болтовня рыбака.

— Сам по себе браслет не докажет, что ты выжила, — рассудительно произнес Эван. — После зимних штормов на берег часто выбрасывает вещи утопленников. В газете ведь так и написали — бросилась со скалы.

— Я знаю.

— Тогда…

— Но браслет приведет к Томасу, — перебила его Алексис. — Если украшение всплывет в лавке или у ювелира, люди Ричарда начнут спрашивать, откуда оно взялось. Кто нашел. На каком берегу.И тогда в трактире обязательно вспомнят, что покойный рыбак хвастался живой женщиной.

Эван молчал, глядя в землю.

— В деревне знают, что Томас приходил к тебе на мыс? — тихо спросила она.

— На побережье все знают, кто к кому ходит, даже когда не видят, — мрачно усмехнулся старик.

Алексис сглотнула. До этой минуты угроза существовала лишь в ее воображении — стремительная,пугающая, но бесформенная. Теперь она обрела пугающе четкую последовательность. Имя на золотой застежке. Разговорчивый трактирщик. Узкая тропа к мысу Отшельника. Всего несколько вопросов и горсть серебра.

Она слишком хорошо знала, как Ричард умеет задавать вопросы так, чтобы человек сам поспешил выложить всю правду.

— Он будет искать останки, — негромко произнесла Алексис, глядя на свои колени. — Или хотя бы вещи. Ему нужно окончательно закрепить наследство через королевскую канцелярию. В газете прямо сказано, что тело так и не нашли.

— Может искать, — кивнул Эван.

— А если его ищейки уже расспрашивают по другим прибрежным деревням?

— Я бы об этом услышал.

Она подняла на него глаза. Эван коротко выдохнул, отводя взгляд:

— Скорее всего, услышал бы.

Эта вынужденная поправка прозвучала страшнее любого уверенного ответа. Алексис опустила голову. На складке серого одеяла лежала маленькая бурая хвоинка — должно быть, прилипла к тулупу еще в хижине. Она взяла ее двумя пальцами в рукавице и машинально переломила пополам.

— Браслет мог уйти на дно вместе с Томасом, — негромко сказал Эван. — Или лежать зарытым в земле там, где он прятал заначку от жены.

— Мог.

— Или давно уплыть на торговой шхуне на юг.

Алексис подняла глаза, встречаясь с ним взглядом.

— Поэтому нам нужно узнать наверняка.

Старик некоторое время молча смотрел на нее, словно взвешивая ее слова и собственную усталость. Затем медленно кивнул:

— Нужно. Ты права.

К хижине они спускались в полном молчании. У последнего поворота тропы ледяной ветер наконец стих, укрытый скалой. Старый сруб показался Алексис неожиданно маленьким и беззащитным: покосившаяся тесовая крыша, низкая дверь, тонкая струйка дыма над каменной трубой, несколько просмоленных бочек у стены. Она смотрела на него и впервые думала не о том, как поскорее выбраться из этих стен, а о том, как легко сюда войти любому, кто знает дорогу.

На мерзлой земле возле порога темнели глубокие следы сапог Эвана. Ее собственные — короткая,неровная цепочка от башмаков и круглые ямки от посоха — тянулись к началу подъема и обрывались там, где он усадил ее в тележку.

Она смотрела на эти следы, пока старик вытаскивал упорный камень из-под колеса. Вся ее нынешняя сила помещалась в этих двадцати шагах.

Эван помог ей подняться и дойти до двери. Внутри хижины все еще держалось сухое, смолистое тепло. Воздух пах можжевельником и рыбой, на крышке закопченного котелка подсохла темная полоска похлебки. Все оставалось точно таким, каким они оставили это утром, и

от этого контраста между тихим бытом и тем, что она пережила наверху, Алексис вдруг стало трудно дышать.

Она дошла до лежанки и тяжело опустилась на край. Пальцы на ногах болезненно покалывало от тепла. Под тугой повязкой глухо ныло правое плечо.Когда Эван присел перед ней на колено и принялся развязывать мокрый шнурок башмака, она заметила, как мелко дрожат его загрубевшие руки от пережитого напряжения.

— Сядь, Эван, — тихо сказала она.

Он поднял голову, хмуря седые брови.

— Чего еще?

— Ты тоже устал. Передохни.

— Я еще способен снять с тебя сапог, графиня, не хорони раньше времени.

— Это башмак.

— Тем более. Задача куда легче.

Он осторожно стянул грубую обувь, потрогал ее ступню сквозь шерстяной чулок и недовольно нахмурился:

— Совсем ледяная.

Алексис не стала возражать. Эван поднялся, достал из-под очага нагретый в золе кирпич,завернул его в старую холстину и положил на пол прямо под ее ноги. Затем зачерпнул ковшом воды из бадьи, повесил на перекладину мокрые рукавицы и только после этого тяжело опустился на низкий табурет.

Несколько мгновений старик сидел совершенно неподвижно, упершись широкими ладонями в колени и глядя в пол.

Алексис молча смотрела на него. Раньше ей казалось, что старость делает людей почти неуязвимыми к обычной усталости. Лорд Эдвард мог часами сидеть за письменным столом с отчетами, не жалуясь на спину, и она принимала это как должное: все неприятное давно привычно,все трудное давно освоено. Теперь же Эван медленно, с легким усилием распрямлял затекшие пальцы, и она ясно видела, чего на самом деле стоила ему эта дорога на утес.

— Тебе нужно поесть, — негромко сказала Алексис.

Старик покосился на нее из-под лохматых бровей.

— Мое место сиделки занять решила?

Она опустила глаза, разглаживая ладонью грубое сукно на коленях.

— Я могу хотя бы налить похлебки.

— Сиди уж, помощница.

Он поднялся сам. Но у очага взял с полки не одну, а две деревянные миски. Ели они в тишине. Алексис чувствовала вкус каждой ложки: обжигающее тепло, густую соль,разваренную крупу. Еда больше не казалась ей комком могильной земли, который приходится проглатывать через силу только из упрямства Эвана. Сейчас она понимала почти с горьким раздражением: ей нужны силы. Нужны, чтобы ходить без тележки, чтобы не дрожать на ветру и чтобы успеть раньше тех, кто может пойти по следу золотого волка.

Эван доел первым, вытер ложку о край холщовой тряпки и поднялся, потянувшись за своим дорожным плащом.

— Завтра с утра схожу в деревню к трактирщику, — произнес он, проверяя завязки на вороте. — Посижу в углу, послушаю, о чем рыбаки болтают.

Алексис подняла на него глаза.

— Сегодня.

Старик замер с плащом в руках и посмотрел на нее долго, оценивающе.

— К вечеру метель поднимется, девочка. И я еще не железный.

— Если браслет у кого-то в порту, завтра его могут продать заезжему купцу, — тихо, но непреклонно сказала она. — Или показать не тем людям.

Эван перевел взгляд на ее бледное лицо с темным рубцом на скуле, затем на дрожащую под одеялом ногу. В хижине на секунду повисла тишина, нарушаемая только тихим потрескиванием углей в очаге.

Наконец старик коротко кивнул, накинул на плечи тяжелый плащ и принялся собирать в кожаную сумку свертки с сушеными травами и баночки с мазями — чтобы в деревне ни у кого не возникло лишних вопросов, зачем отшельник с мыса спустился к людям на ночь глядя.

Глава 3

От северного поместья Малвери остались только черные, обгоревшие стены. От долгов Ричарда - все до последней монеты.

Ричард перечитал отчет управляющего. Именно таких слов на бумаге не было, но смысл проступал сквозь каждую цифру с неприятной, почти въедливой отчетливостью. На плотном сером листе аккуратным, выверенным почерком перечислялись расходы на расчистку пожарных завалов,восстановление разбитой подъездной дороги, жалованье людям, оставшимся без крова, и содержание стражи у уцелевших складов. В самом низу стояла итоговая сумма, которую требовалось выплатить до конца месяца - цифра такая внушительная, что даже при спокойном чтении у висков начинало тихо пульсировать.

Он положил лист на дубовый стол.

В столичном особняке Малвери было тепло. В камине ровно горели березовые поленья, за высокими окнами серело суровое февральское утро. Между тяжелыми портьерами на подоконник падала узкая полоса света, выхватывая пылинки в воздухе. Здесь все сохранилось: резные панели, потемневшие портреты предков жены, тяжелый серебряный поднос для писем, старинные часы под стеклянным колпаком, мерно отсчитывающие минуты. Даже гусиное перо, которым он только что пользовался, принадлежало Эдварду, а не ему.

Старик приезжал в столицу редко, предпочитая свой суровый северный замок. Но всякий раз занимал этот кабинет и привозил с собой привычку распоряжаться так, будто сотни миль до родовых земель ничего не меняли ни в его власти, ни в чужом подчинении. Стоило ему войти в комнату - и воздух словно уплотнялся от его молчаливого превосходства.

Теперь на его месте сидел Ричард. И каждое утро кто-нибудь присылал ему новый счет. Словно весь мир решил проверить, насколько глубоко провалится новый хозяин под тяжестью чужого наследства.

В дверь негромко, с выверенной сдержанностью постучали.

— Войдите.

Дворецкий появился с подносом. Поставил фарфоровую чашку, серебряный кофейник и тарелку с поджаренным хлебом на свободный край стола. Двигался бесшумно, с той осторожностью, которую Ричард прежде принимал за хорошую выучку. В последние недели она начала раздражать.

— Я просил подавать завтрак в восемь.

— Простите, милорд. На кухне…

— Меня не интересует, что происходит на кухне.

Дворецкий замолчал, чуть опустив плечи. Ричард поднял глаза. Мужчине было около пятидесяти. Узкое лицо, седина у висков, безупречно выбритый подбородок. Он служил Малвери дольше, чем Ричард был знаком с Алексис, и по-прежнему носил старую ливрею с серебряным горным волком на пуговицах. Каждая складка на этом сукне казалась Ричарду немой памятью о прошлом, к которому он теперь привязан против воли.

— Ты меня услышал?

— Да, милорд.

Взгляд дворецкого оставался опущенным. Ричард откинулся на спинку кресла, медленно постучав пальцами по подлокотнику.

— Тогда смотри на меня, когда отвечаешь. Я не люблю говорить с пустым местом.

Тот поднял глаза. Ни дерзости. Ни открытого осуждения. Только усталое, неподвижное лицо человека, который давно научился не показывать господам ничего лишнего - ни сочувствия, ни пренебрежения, ни живой человеческой мысли.

Ричарду вдруг захотелось уволить его немедленно. Просто выставить за дверь, чтобы не видеть это каменное терпение. Вместе с кухаркой, которая перестала готовить его любимую пряную дичь - словно траур отменяет все привычки, кроме скорби. С горничной, не сумевшей скрыть слез при разборе зимнего гардероба Алексис, шмыгавшей носом над каждым платьем так, будто хоронила собственных детей. Со старым привратником, называвшим его «господином супругом», хотя поправляли его уже трижды, и каждый раз он с виноватым видом кивал и через час сбивался снова. Но новые слуги стоили денег. Старые знали дом - знали, где скрипит ступенька, где тянет сквозняком и как быстро растопить печь без лишнего дыма. А поспешная смена всей прислуги дала бы придворным еще одну тему для разговоров, а пересудов в городе и так хватало с избытком.

— Можешь идти.

Дверь закрылась тихо, почти без звука. Ричард налил кофе и вернулся к отчету. Горячий темный напиток пах обжаренными зернами, но не принес привычного облегчения.

На этот раз взгляд задержался на предпоследней строке. Тридцать две подводы камня для укрепления дороги между нижним складом и западными воротами. Он придвинул к себе предыдущую ведомость. Потом еще одну, с пожелтевшими краями. В октябре тот же участок уже укрепляли. Эдвард собственноручно утвердил расходы: щебень,подпорная стенка у поворота, отводная канава. Ричард помнил это ясно, потому что тогда спорил с ним о цене перевозки - доказывал, что возчики заламывают лишнее. Старик отмахнулся с привычным пренебрежением, а через неделю велел показать ему окончательный расчет, чтобы убедиться, что все сошлось до гроша.

Ричард развернул план владений. От пожара до западной дороги было не меньше двухсот ярдов. Ни одна из рухнувших построек не могла ее повредить - ни обломки балок, ни падающие стены. Разве что кто-то специально проехался по ней тяжелым грузом.

Он позвонил. Дворецкий вернулся почти сразу - словно ждал за дверью.

— Пришлите ко мне писца. И найдите осенние накладные каменоломни Хейла.

— Они в нижнем архиве, милорд.

— Значит, принесите из нижнего архива. Не стоит делать вид, что туда ведет дорога через весь свет.

Пока тот ходил, Ричард обвел спорную сумму чернилами, нажимая на перо сильнее обычного. Часть работ действительно требовалась после зимних размывов - талая вода и мороз умеют превратить любую насыпь в месиво. Но тридцать две подводы - это укрепление всей насыпи заново,будто ее смыло в море целиком.

Писец пришел с накладными и чернильницей. Молодой, узкоплечий, с красными от холода руками и вечно встревоженным выражением лица. Остановился у двери, ожидая приглашения, переминаясь с ноги на ногу.

— Подойдите ближе. И записывайте, - сказал Ричард. — Управляющему северными владениями.Жалованье рабочим и закупку продовольствия оплатить без задержки. Расчет по западной дороге приостановить до получения перечня повреждений и подписи дорожного мастера.

Перо заскрипело по бумаге.

— Отдельно запросить у Хейла подтверждение отгрузки камня. По каждой подводе. С датами и отметкой приемщика.

Писец поднял голову, моргнув.

— Копию управляющему, милорд?

— Нет. Хейлу - напрямую. Пусть отвечает за свои бумаги сам.

Ричард подвинул ему осеннюю накладную. На обороте уже значилась оплата большей части камня, который теперь собирались продать второй раз.

— Если поставщик ошибся, у него будет возможность исправить счет прежде, чем ошибку заметит Палата. А если не ошибся - тем лучше для нас обоих.

Писец посмотрел на цифры, затем поспешно опустил глаза, стараясь не задерживаться взглядом на хозяине.

Ричард взял чашку.Кофе успел остыть, став горьким и тяжелым. Он все же сделал глоток - просто чтобы чем-то занять руки.

Поверенный приехал через четверть часа. Невысокий человек в темном сюртуке принес кожаную папку, два перевязанных тесьмой свитка и выражение лица, с которым обычно сообщают о болезни, требующей дорогого лечения и долгих уговоров.

Ричард не предложил ему сесть.

— Что на этот раз?

— Палата запросила заверенную копию брачного договора, милорд.

— Она у них есть.

— Теперь требуется подтверждение подлинности подписи покойного лорда Эдварда.

Ричард посмотрел на него в упор.

— Пять лет назад договор регистрировали в королевской канцелярии. В присутствии трех свидетелей.

— Да, милорд.

— Один из них - нынешний канцлер.

— Именно поэтому запрос должен быть исполнен без затруднений.

Поверенный произнес это с такой учтивостью, что Ричард не сразу понял, насмешка ли перед ним или обычная осторожность человека, привыкшего ходить по тонкому льду.

— Сколько?

— Пошлина невелика. Но понадобятся услуги архивиста, писца и представителя Палаты при сверке.

Ричард протянул руку. Цифра на сложенном вчетверо листе оказалась почти вдвое больше ожидаемой.

— Это за проверку подписи?

— За установленную процедуру, милорд.

Ричард разгладил край бумаги ногтем, чувствуя, как внутри поднимается глухое, липкое раздражение.

— А что с доходами от рудников?

— Текущее управление остается за вами. Однако распоряжение средствами сверх обычных хозяйственных расходов до решения Палаты ограничено.

— Мне поручили выплачивать жалованье сотням людей, ремонтировать дороги и обеспечивать корону металлом. Но пользоваться доходом от этого металла я не могу?

— Временно.

Это слово он слышал слишком часто. Временно управляющий. Временно допущенный к счетам. Временно пользующийся печатью. Обязанности дома Малвери передали ему целиком. Права выдавали по одному, с оговорками и чужими подписями, словно боясь, что он сбежит с казной на край света.

— Прошение кузенов приобщили к делу?

Поверенный помедлил, поправив край папки.

— Вчера утром.

— Чего они требуют?

— Проверки обстоятельств пожара. Описи уцелевшего имущества. И установления точного состава наследников на день открытия наследства.

Ричард почувствовал, как напряглась челюсть. Кузены. Люди, которых Эдвард приглашал на север только по большим семейным праздникам и всякий раз с таким видом, будто

оказывал милость. Теперь каждый внезапно вспомнил о долге перед родом - когда запах денег перебил запах гари.

— Они подписали согласие на брачный договор.

— Согласие на брак, милорд. Не отказ от всех будущих притязаний.

— В договоре все сказано.

— Несомненно.

Поверенный раскрыл папку, хотя Ричард знал нужный пункт наизусть. Тогда, пять лет назад, он настоял на нем после долгих переговоров. Эдвард согласился не сразу - торговался, хмурился, проверял каждое слово. Алексис присутствовала при последней встрече и слушала, положив руки на колени. Когда отец наконец велел внести поправку, она улыбнулась Ричарду так, будто речь шла о доказательстве доверия, а не о расчете.

— Владения, унаследованные вашей супругой, при отсутствии живых потомков переходят под ваше пожизненное управление, - прочитал поверенный ровным, сухим голосом. — Доходы остаются в вашем распоряжении при условии содержания земель и исполнения обязательств перед короной.

— И?

— Кузены требуют доказать, что леди Алексис пережила отца и успела вступить в права наследницы.

Ричард отвернулся к окну. Он видел, как упал Эдвард. Алексис тогда еще кричала.

— Пережила, — сказал он.

— Нам необходимо закрепить это свидетельскими показаниями.

— Они у вас будут.

Поверенный поправил край документа.

— Кроме того, Палата просит указать, на каком основании было установлено отсутствие другого наследника.

Ричард посмотрел на него.

— Вы о ребенке?

— Да, милорд.

В кабинете потрескивали поленья.

— Моя жена погибла, — произнес Ричард отчетливо, без запинки. — Ребенок погиб вместе с ней, в утробе.

— Я понимаю.

— Тогда что именно вы собираетесь устанавливать?

Поверенный выдержал паузу.

— То, что позволит отклонить прошение родственников.

Ричард подошел к столу. До сегодняшнего утра канцлер уверял, что свидетельств о пожаре и падении будет достаточно. Дело представляли неприятным, но решенным: несколько печатей, обязательный срок ожидания,последнее заседание Палаты. Теперь из каждой строчки договора вытаскивали новое препятствие.

— Без тела это затянется? - спросил он.

— Отсутствие останков само по себе не отменяет признания смерти. Но при споре о наследовании дает противной стороне больше возможностей потребовать дополнительного рассмотрения.

— Противной стороне, - повторил Ричард.

— Это обычное обозначение, милорд.

— Разумеется.

Он взял счет.

— К концу недели я представлю полный отчет о поставках, жалованье и расходах. С подписями управляющих. Пусть кузены покажут свой. За любой месяц последних десяти лет.

— Я передам ваше предложение.

— А это оплатите.

Поверенный принял бумагу.

— И еще. В расходах на западную дорогу обнаружено повторное начисление. Пока не приобщайте эту часть ведомости к делу. Управляющий пришлет исправленный расчет.

На этот раз тот посмотрел на Ричарда без привычного сочувствия.

— Вы уже проверили накладные?

— А вы полагали, я только подписываю счета?

— Нет, милорд.

— Тогда займитесь договором.

Когда дверь закрылась, Ричард остался стоять возле стола. Над книжным шкафом молодой Эдвард Малвери держал ладонь на рукояти меча. Художник оставил на его лице едва заметную усмешку. Ричард отвернулся от портрета.

Элеонора вошла без стука. Темное шерстяное платье с высоким воротом, скромная нитка жемчуга, гладко убранные волосы. Она выглядела именно так, как следовало выглядеть женщине, потерявшей близкую подругу и оставшейся поддержать ее вдовца.

Для посторонних ей отвели комнаты в восточном крыле. Ее присутствие объясняли разбором вещей Алексис и перепиской с родственницами. Ричард не спрашивал, насколько убедительным казалось это объяснение прислуге - в этом доме давно научились не задавать вслух лишних вопросов.

— Поверенный уже был?

— Принес еще один счет.

— Значит, дело движется.

Он усмехнулся.

— Интересное понимание движения.

Элеонора подошла к столу, просмотрела лежавшую сверху бумагу, чуть наклонив голову.

— Не отправляй сегодня письмо кузенам.

— Я и не собирался.

Она перевела взгляд на чернильницу, потом на скомканный черновик, валявшийся у края. Ричард выдохнул, чувствуя, как снова поднимается глухая досада.

— Они хотят выставить меня грабителем.

— Тогда не помогай им письмом, которое можно прочитать вслух за вечерним чаем.

Она взяла смятый лист. Он позволил.

— «Люди, не способные содержать собственные конюшни»?

— У одного из них заложено имение.

— Тем более он запомнит эти слова. И найдет им применение быстрее, чем ты дойдешь до кареты.

Элеонора положила черновик возле камина. Ричард подошел к ней со спины, коснулся застежки у затылка. Кожа под волосами была теплой.

— Ты предлагаешь терпеть?

— Я предлагаю не дарить им того, за что они готовы платить писцам и поверенным.

Она повернулась. Вблизи пахло знакомыми духами - горьковатым цветком и восточной пряностью. Этот запах много лет сопровождал комнаты, в которые он входил тайно, оглядываясь через плечо. Теперь больше не требовалось скрываться от Алексис. От остальных осторожность по-прежнему была необходима.

Элеонора поправила ему воротник, проведя пальцами по сукну.

— Сегодня канцлер, вечером Ормонды. Там будет леди Вейн.

Имя ничего ему не сказало, пока она не добавила:

— Она переписывалась с Алексис.

Ричард убрал руку с ее шеи.

— Помню.

— И вдова адмирала. Ее брат служил с Эдвардом. Не спорь с ними.

— С кем именно?

— Со всеми, кто хочет услышать, как ты оправдываешься.

Она провела большим пальцем по краю его губ - легко, почти мимолетно, но так, что у него перехватило дыхание.

— Пусть видят человека, который продолжает работать, пока остальные обсуждают случившееся.

Он поймал ее руку, сжал теплые пальцы.

— А что видишь ты?

Элеонора выдержала его взгляд. В глазах ее не было ни жалости, ни сомнений - только спокойная,расчетливая ясность.

— Человека, которому необходимо поесть прежде, чем он отправится требовать справедливости у канцлера.

Ричард притянул ее ближе и поцеловал. Она ответила сразу же. Ее ладонь скользнула ему под ворот, пальцы задержались на шее. На несколько мгновений он перестал думать о счетах, родственниках и чужих подписях - остался только жар тела, знакомый запах и ощущение, что хоть здесь никто не требует отчета. Когда они отстранились, Элеонора посмотрела на бумаги.

— А теперь подпиши ведомость. Иначе к полудню у тебя появится еще один человек, которому ты задолжал.

Он тихо рассмеялся. Впервые за утро.

Канцлер принял его после полудня. Сорок минут Ричард провел в душной приемной. От натопленных печей болела голова; пахло мокрыми плащами, сырой шерстью и старой бумагой. Чиновники проходили мимо, стараясь не встречаться с ним глазами, будто он мог попросить у каждого по монете.

Когда дверь открылась, он вошел без видимого раздражения. Канцлер сидел у окна. Перед ним лежали раскрытые книги, песочница и серебряная шкатулка с засахаренными плодами.

— Дорогой Ричард. Простите за ожидание.

Он не поднялся.

— Понимаю, у вас полно забот.

— Садитесь.

Кресло напротив оказалось ниже, чем следовало. Ричард сел, сохраняя прямую спину, не позволяя себе сгорбиться. Канцлер взял один из листов, просмотрел и отложил.

— Север?

— Требует решения.

— Север всегда чего-нибудь требует. То снега, то леса, то людей.

— В этом месяце - подтверждения моих полномочий.

Канцлер посмотрел на него почти с удивлением.

— Но они подтверждены.

— Для текущего управления.

— Пока этого достаточно.

Ричард положил на стол отчет.

— Четыреста работников. Три рудника. Два литейных двора. Дорога, по которой в марте должен пройти обоз для королевского арсенала. Я не имею права заключить договор дольше чем на полгода. Купцы об этом знают.

Канцлер развернул бумаги.

— Впечатляющая ответственность для молодого человека.

— Вы обещали, что после…

Ричард оборвал себя. Канцлер поднял глаза. За окном по карнизу прошлась голубиная лапка. Послышался короткий скребущий звук.

— После завершения формальностей все станет проще, - закончил Ричард.

— Именно так.

Канцлер вновь посмотрел на цифры.

— Палата внимательно рассматривает прошения. Ваше положение вызывает сочувствие, но закон требует аккуратности.

Ричард разглядывал его руки. Ни единого чернильного пятна. Ногти коротко подстрижены. На указательном пальце - тяжелый перстень с королевской печатью.

Первые бумаги канцлера прибыли на рудники прежде, чем в Малвери погасли последние угли.

— Родственники затягивают дело, - сказал Ричард.

— Они пользуются своим правом.

— Вы сами говорили, что оснований для спора нет.

— Я говорил, что брачный договор составлен добротно. Это не избавляет нас от необходимости исполнить его условия.

— Для этого мне и нужны полномочия.

Канцлер взял засахаренный плод.

— Вы продолжаете получать доход.

— Который не могу свободно использовать.

— Вы можете оплачивать содержание владений.

Ричард помолчал. Каждый ответ возвращал его туда, откуда начинался разговор - аккуратно, вежливо, без единого резкого слова.

— Рабочие не примут присланного из столицы управляющего. Мастера знают, с кем согласованы поставки. Купцы знают, кто отвечает за оплату.

— Тогда вам не о чем тревожиться.

— Мне нужен доступ к нижним пластам.

Канцлер перестал перебирать бумаги.

— Для мартовского обоза?

— Для дальнейшей работы.

— Ваш покойный тесть закрыл те выработки.

— Без объяснений.

— Следовательно, прежде чем открывать их, следует выяснить причины.

Ричард наклонился вперед.

— Эти причины не мешали вам обсуждать разработку при его жизни.

Канцлер откинулся на спинку кресла. Теперь на его лице не осталось сочувствия.

— Осторожнее, Ричард.

Тот сжал пальцы на подлокотнике. За закрытой дверью кто-то прошел по коридору. Шаги удалились.

— Корона получит металл вовремя, - сказал Ричард. — Но каждая задержка с договорами увеличивает стоимость поставок.

— Не советую смешивать ваши хозяйственные затруднения с обязательствами перед арсеналом.

— Я описываю положение дел.

— А я напоминаю о вашем положении.

Ричард промолчал. Канцлер закрыл отчет.

— Сохраните рабочих на местах. Представьте Палате необходимые свидетельства. Не позволяйте родственникам усомниться в вашей добросовестности. У вас достаточно занятий и без нижних пластов.

Это прозвучало почти заботливо. Ричард забрал перчатки.

— Разумеется.

На улице шел колючий снег. Он задержался у ступеней, глядя на окна канцелярии. Канцлер получил то, чего добивался: Эдвард больше не возражал. Его дочь не могла оспорить договоры. Владения зависели от королевской подписи. Ричарду достались долги и ежедневная необходимость доказывать, что он имеет право платить по ним.

Он натянул перчатку. Из-за нервозности безымянный палец попал не туда. Пришлось снять и надеть заново. Кучер ждал, отвернувшись от ветра.

— К Ормондам.

Если канцлер хотел заставить его просить, сначала следовало показать, сколько людей зависело от его решения. Другого человека, способного сейчас удержать север, не было. Ричард намеревался позаботиться о том, чтобы он не появился.

В доме Ормондов пахло пчелиным воском, нагретым шелком и цветами из оранжереи. Элеонора ждала в небольшой гостиной рядом с хозяйкой. При его появлении она не поднялась слишком быстро и не задержала взгляд. На публике больше не касалась его без причины. Исчезли долгие улыбки, которыми прежде обменивались через комнату. Теперь она говорила с ним чуть тише, чем с остальными, - ровно настолько, насколько полагалось говорить со скорбящим человеком.

Леди Ормонд протянула руку.

— Мы все еще не можем поверить. Это ужасно.

Ричард склонился над ее пальцами.

— Благодарю за ваше письмо.

— Бедная девочка…

Он выпрямился. Хозяйка внимательно смотрела на его лицо. Этот осмотр он уже научился замечать: достаточно ли осунулся, есть ли следы бессонницы, дрогнет ли голос.

— Алексис любила ваши музыкальные вечера.

— Да. Очень.

Пауза затянулась.

— Особенно когда вы позволяли ей выбирать последнюю пьесу, - сказала Элеонора. — Помните,она всякий раз просила ту, которую сама никак не могла разучить?

Леди Ормонд вздохнула.

— Муж говорил, что мы слушаем ее чаще, чем все остальное вместе.

— А она уверяла, что в следующий раз непременно справится сама.

Хозяйка улыбнулась с той беспомощной нежностью, которая раздражала Ричарда сильнее слез. Он взял бокал с подноса. У камина стоял лорд Вейн. Поздоровался сдержанно, не сделав ни шага навстречу.

— Я получил ваше предложение о поставке.

— Надеюсь, оно вас устраивает.

— Условия прежнего договора были другими.

— Верно и он истекает весной.

— Однако Эдвард собирался продлить его на прежних условиях.

Ричард сделал глоток.

— Мне неизвестны такие распоряжения.

— Он говорил мне лично.

— К сожалению, подтвердить это теперь невозможно.

Лорд Вейн посмотрел на него поверх бокала. Ричард понял, как прозвучали слова.

— Я имею в виду, что предпочитаю опираться на документы.

— Да. Несомненно.- И Вейн отвернулся к подошедшему знакомому.

Ричард остался возле камина один с тревогой на сердце.

Старые друзья Эдварда были похожи друг на друга. Каждый считал, что многолетнее знакомство дает право требовать уступок. Никто не торопился предложить помощь с долгами.

Он поставил бокал и повернулся к хозяину суконных мануфактур, которого заметил у окна. Тот конечно тоже начал с сожалений. Ричард выслушал, поблагодарил, спросил о сыне. Затем назвал объем угля, который можно было поставить к концу весны, и предложил обсудить перевозку без посредника. Через несколько минут собеседник перестал коситься на траурную повязку у него на рукаве. Они договорились встретиться в четверг.

Леди Вейн подошла, когда Ричард остался один. Невысокая, седая, с прямой спиной и цепкими глазами. Алексис любила ее письма и иногда читала за завтраком язвительные замечания о столичных знакомых. Он неожиданно вспомнил ее голос, произносивший чужую колкость, неожиданно для себя мягко улыбнувшись.

— Милорд. Можно задать вам вопрос?

— Конечно.

— Газета пишет, что Алексис потеряла ребенка прежде, чем выбежала из горящего дома.

Ричард неподвижно держал бокал.

— Во время пожара трудно установить точную последовательность событий.

— Именно поэтому я спрашиваю. Кто видел ее в последние минуты?

— После того, что произошло во дворе, она уже…

— Простите ради бога - произнесла леди, поспешно смахивая одинокую слезу.

Тут же рядом оказалась Элеонора. Леди Вейн перевела на нее взгляд.

— Вы… Вы были там? В Малвери?

— Да. - со вздохом опуская глаза ответила она.

Ричард почувствовал раздражение: слишком прямой ответ. Элеонора продолжила:

— Я видела Алексис после обрушения галереи. Она была ранена. Мы пытались вывести людей через внутренний двор.

— И Вы оставили ее одну? Когда она была в положении?

Элеонора опустила глаза, чтобы скрыть появившееся презрение, но голос ее не дрогнул.

— Я побежала за помощью

Ричард смотрел на ее пальцы, сжавшие платок. Большой палец дрожал возле кружевного края. Когда она подняла голову, на ресницах блестела влага.

— Я много раз думала, что должна была удержать ее силой. Можете не щадить меня, леди Вейн. Я и сама себя не щажу.

Пожилая женщина недовольно поджала губы. За ее спиной приглушенно звякнула чашка. Кто-то из гостей замолчал.

— Я лишь пытаюсь понять.

— Мы тоже пытаемся.

Леди Вейн посмотрела на них обоих, кивнула и отошла.

Элеонора осталась у камина. Промокнула уголок глаза, ответила хозяйке, спросила о нездоровье ее сестры.

Лишь позднее, когда они оказались у окна, она сказала:

— Не договаривай того, что начал.

— Я ничего не сказал.

— «После того, что произошло во дворе». Что ты собирался добавить?

Ричард посмотрел в зал.

— Что она была тяжело ранена.

— Ты не должен знать, насколько.

— Ты только что рассказала об этом сама.

— Я видела раненую женщину. Ты чуть не начал объяснять, что с ней случилось потом.

Он повернулся к ней. Элеонора поправила складку на рукаве.

— В газете нет свидетеля самого падения. Пусть его и не будет. Иначе придется назвать человека,который стоял достаточно близко, чтобы все рассмотреть, и почему-то не остановил ее.

Ричард ничего не ответил, он знал, что любовница права..

— Потерявшая ребенка женщина, пожар, отчаяние, - продолжила она. — Людям достаточно этого. Не добавляй лишних подробностей, которые начнут проверять.

В памяти мелькнула ладонь Алексис, прижатая к животу. Ричард поставил бокал на подоконник.

— Вейн слишком любопытна.

— Вейн любила ее по-настоящему, не так как мы.

Элеонора произнесла это без насмешки, серьезно и без лишних эмоций. Потом добавила:

— Поэтому будь с ней особенно осторожен.

К концу приема Ричард добился еще одной встречи и обещания рассмотреть новый договор. День нельзя было назвать потерянным. У выхода его остановил старый граф, служивший с Эдвардом на северной границе.

— В Малвери уже можно проехать?

— Дорогу все еще расчищают. - пристально глядя на собеседника отозвался Ричард.

— Часовня устояла?

— Только часть стены.

Граф кивнул.

— Его отец там венчался. И дед.

Ричард знал. Алексис рассказывала ему об этом. Кажется, в первый год брака, когда показывала старые записи и смеялась над именем какой-то дальней родственницы. Он не помнил ее имени, но запомнил заливистый смех супруги.

— Восстановление начнется, как только позволит погода.

— Надеюсь.

Старик не протянул руки для пожатия молча удалившись. В экипаже Ричард смотрел на собственные пальцы в темной коже перчаток. Элеонора сидела напротив, придерживая юбку, чтобы та не касалась мокрого пола.

— Ты хорошо держался.

— Они считают меня виноватым.

— Они считают тебя человеком, которому досталось слишком много.

— По-твоему, это одно и то же?

Она всмотрелась в его лицо.

— Для людей, которым не досталось ничего, - часто.

За окном проплывали освещенные окна, вывески, редкие прохожие. Колеса стучали по мостовой. На повороте ее колено коснулось его ноги. Ричард накрыл ладонью ее пальцы. Она перевернула руку и сжала его ладонь. Дышать стало немного легче.

Дома встретил тот же дворецкий. На этот раз Ричард не заставил его поднять глаза. В столовой было накрыто на двоих. Серебро, свечи, белая скатерть. Элеонора села на место Алексис. Не спросила, следует ли пересесть, не задержалась возле кресла. Ричард был благодарен ей, хотя не произнес бы этого вслух. Они обсуждали прием. Кто согласится на уступки. Кто ждет решения Палаты. Кому написать утром. Элеонора вспомнила, на каком имени запнулся один из собеседников, и предположила, что при дворе готовится новое назначение. Ричард слушал с интересом. Рядом с ней не приходилось объяснять, почему от удачного знакомства зависит больше, чем от десятка безупречно составленных прошений.

— Управляющий прислал расходы на западную дорогу, - сказал он, когда убрали первое блюдо.

— И?

— Камень уже оплачен осенью.

Элеонора подняла глаза.

— Он рассчитывал, что ты не заметишь?

— Или не стану искать накладные.

— При Эдварде он тоже так делал?

Ричард покрутил нож за рукоять.

— При Эдварде он знал, что накладные найдут.

Элеонора помолчала.

— Теперь тоже будет знать. Ты не допустишь такого поведения. Он должен это усвоить.

Это было сказано просто. Без похвалы или упрека, от которой он почувствовал бы себя мальчишкой. Он налил ей вина. Когда Элеонора поднесла бокал к губам, изумруд на ее пальце поймал свет свечей. Ричард узнал этот камень. Алексис подарила ей кольцо в прошлом году. Сама надела на палец, повернула к окну, полюбовалась. Потом взяла Элеонору за руку и подозвала его посмотреть, как удачно выбрала оттенок. Он тогда стоял слишком близко к обеим.

— Оставьте нас, — сказал Ричард слуге.

Дверь закрылась. Элеонора проследила за его взглядом. Сняла кольцо и убрала в бархатную сумочку.

— Тебе оно не нравится?

— Слишком яркое для траура.

— Больше не надену.

Она подошла к нему, остановилась между креслом и столом. Ричард положил ладонь ей на талию.

— Ты избавила меня от неприятного разговора.

— Только от одного?

Он притянул ее ближе. Элеонора уперлась рукой ему в плечо и поцеловала первой. Ричард ответил, крепче сжав пальцы на ткани платья. Ее присутствие было осязаемым и простым: тепло, дыхание возле щеки, знакомое движение ладони. Он не хотел сейчас оставаться один. Только не в это мгновение.

Позднее, когда она ушла наверх, Ричард еще некоторое время сидел за столом. На скатерти возле ее прибора лежала темная нитка. Он подцепил ее ногтем, скатал между пальцами и вдруг заметил, что прислушивается. В коридоре прошли слуги. Где-то закрыли дверь. Ричард допил вино и поднялся. Работа оставалась.

В кабинете было прохладно. Он сам подложил в камин березовое полено, испачкал пальцы углем и вытер их о платок. На столе лежала вечерняя почта. Счета. Приглашения. Отчет о зимних поставках. В ответе из каменоломни, разумеется, не было нужды ждать до утра: его еще даже не успели запросить. И все же Ричард зачем-то проверил дату на верхнем листе. Мысли возвращались к старому графу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.